Князь во все времена

Автор:
Сержант Леший

Князь во все времена

Сержант Леший

Военная боевая фантастика

Долгожданная встреча четырёх старых друзей в зимней Ницце начала двадцать первого века продолжилась там же, но уже в феврале тридцать девятого года. Прошлая жизнь дала им опыт выживания в любых условиях, а в этой у них есть намного больше: деньги, положение в обществе, молодость. Но разве это главное? Главное то, что они знают – будет Великая война! И надо помочь своей Родине.

Сержант Леший

Князь во все времена

© Сержант Леший, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Глава 1

Так уж получилось, что в этот день я никогда не работаю. Уже много-много лет в этот день меня нет для всего остального мира. Меня и моих друзей. Не существует в природе вещей. Этот день для нас особенный. В этот далекий день я с разведгруппой спецназа Главного разведывательного управления Генерального штаба Союза Советских Социалистических Республик, выходил из Афганистана.

Я не служил в спецназе. Служил я в Комитете государственной безопасности. Так в то время в народе называлась структура Федеральной службы безопасности. В те времена она включала в себя много больше, чем кастрированная перестроечными реформаторами ФСБ. И, соответственно, прав и обязанностей у нас было значительно больше. В разных странах этого многогранного мира.

Группа капитана Константина Волошина, в которой служили мои молодые друзья, длительное время была прикомандирована к моей группе, выполняющей весьма специфические задания Родины. И хотя я имел полное право улететь вместе со своей группой прямиком в Ташкент, я выходил из Афгана вместе с ними. Иногда я бываю немножко сентиментален, и тогда для меня это было важно.

Собирались мы всегда у меня. Сначала на огромной дедовой даче, затерянной в глухом подмосковном лесу рядом с дачкой тогдашнего министра обороны, потом в моем особняке в подмосковной деревушке Барвиха, а в последние годы вот в этом ресторане. Здесь же я и живу. Над рестораном имеется небольшой приличный отель, но только для своих, а мой дом стоит чуть дальше на отдельной территории, прилегающей к территории отеля.

Мне здесь нравится. Русский лес отличается от всего, что я когда-либо видел в своей жизни. Он все время разный, и от времени года это не зависит, и в этом меня всегда поддерживают мои друзья. Не знаю. Может, я к этому привык с самого детства? Еще с дедовой дачи.

Действительно, что-то я стал сентиментален. Или это уже возрастное?

С каждым годом на нашем личном празднике нас становилось все меньше и меньше, а сегодня ко мне приехали только трое. Вернее двое. Яша Гринкевич и Слава Лутохин.

Яша Гринкевич у нас умелец на все руки и ноги. Да и головы у него весьма профессиональные. И верхняя, и нижняя. Ну как же! К своим сорока шести годам Яков Иосифович умудрился сварганить четырех дочек и сынишку. Причем наследник получился у Якова, как признается сам владелец всего этого женского королевства, совершенно случайно.

Дом – полная чаша! Помимо жены Сонечки, евойная сестра с мужем, теща, тесть, троюродная бабушка и кто-то еще. В этом гостеприимном доме постоянно зависает какой-нибудь Яшкин родственник с семейством, поэтому посчитать количество едоков не всегда представляется возможным. Ну и конечно же кормится вся эта толпа с Яшиных золотых рук. Я теперь точно знаю, что название «муж на час» пошло с Яшкиного табора, ибо продает Яша «свои золотые руки» чуть ли не со школьной скамьи.

Небольшая фирмочка по ремонту всего, что можно и нельзя, позволяет Яшиным родственникам не умереть с голода, ровно, как и этот все увеличивающийся в количестве едоков табор не позволяет Яшке выбраться из нищеты.

Сам Яков ремонтирует в основном то, что нельзя. Вся столица нашей необъятной Родины и очень многие за ее пределами знают, где можно отремонтировать эксклюзивный, но до мозга костей криминальный ствол. Конечно же к Яше можно попасть только по рекомендациям, но, к сожалению, мой друг еще и болен. Болен оружием Великой Отечественной войны и всеми теми стреляющими железками, что слепили до нее.

Не брезгует Яков Иосифович и холодным оружием, и в среде профессиональных коллекционеров последнего считается практически непревзойденным экспертом. Ну а так как «черное копательство» не сильно законное в нашей стране дело, то приблизительно два раза в год мы с моим лучшим другом Женькой отмазываем Яшу от «левых ментов», прямо-таки жаждущих законопатить нашего друга в места не столь отдаленные. Ну, или позолотить свои не слишком чистые ручки. Последнему соискателю, помнится мне, Женькины головорезы обломали оба этих отростка. Один слегка, второй чуть ли не под корень. А не надо быть таким жадным.

Золотые руки Яши это просто приложение к его бриллиантовой голове. Количество, казалось бы, не связанных друг с другом исторических фактов и бесценной информации, применяемой от случая к случаю, определяется просто-таки немереным количеством терабайт, каким-то чудом умещающихся в этой

рано полысевшей черепушке.

Здесь же у стола прямо над Яшкиной головой висит его классическая «испанка». Странно, но инструмент, который попал в его семью четыре поколения назад, мой друг держит у меня. И играет только в наш день. Так уж случилось, что у Яши совсем нет голоса. Но как он играет! Мама дорогая!

Мой друг, выросший в традиционной еврейской семье на окраине Люберец, получил классическое воспитание во всех смыслах этого слова. Вместе с музыкальным образованием по классу гитары Яков приобрел дурную привычку на вопрос «как пройти в библиотеку?» сначала бить и лишь потом спрашивать «в какую?». Поэтому в любое время дня или ночи легко может закатать в морду парочке-троечке встречных индивидуумов, не сильно обремененных интеллектом, с последующей госпитализацией последних.

Слава Лутохин прямая противоположность Яше – в свои неполные пятьдесят лет он один как перст. Всю свою сознательную жизнь наш друг болтается по отдаленным северным краям нашей необъятной Родины в геологических партиях.

Родительскую квартиру в первопрестольной Славка сдает. Хотя деньги, получаемые с аренды четырехкомнатной квартиры в сталинском доме на Войковской, это смешные копейки для него лично. По моим прикидкам, вот уже второй десяток лет Вячеслав Михайлович является долларовым миллионером и давно заработал себе на безбедную старость.

Появляясь в столице нашей Родины весьма эпизодически, Вячеслав Михайлович обитает у меня в отеле. Благо регистрироваться в нем не надо, а войти и выйти можно абсолютно незаметно в любом направлении и независимо от времени суток.

Последние восемь лет его хату у метро «Войковская» мы с Женькой снимаем для себя – у нас периодически случаются мимолетные интрижки. Да и вообще, небольшая нейтральная территория в наглухо огороженном от остальной цивилизации доме почти в центре столицы нашей Родины нам периодически необходима. Отсутствие постоянной охраны – это тоже плюс для понимающих подобные нюансы людей.

Кобели мы с моим лучшим другом еще те, а таскать случайных подружек к себе домой мы отучились еще в детстве, хотя в те далекие времена знакомы, конечно же, не были. Видимо, у кобелирующих личностей это стандартный и инстинктивный рефлекс. Вроде бы и прятаться уже давно не от кого, но привычки, сложившиеся за всю свою сознательную жизнь, неистребимы.

Вот уже не первый десяток лет Слава занимается золотом и разными драгоценными и полудрагоценными камушками в различной степени обработки. Розыском, скупкой и перепродажей. Не гнушается и ворованным у простых граждан и уворованным на различных государственных и частных предприятиях и приисках. Белого медведя на этом съел, причем медведь сопротивлялся. Или это был бурый медведь? Но точно не гризли – до Америки Славка пока не добрался. В общем, неважно, но опыт и связи у моего друга колоссальные.

Трудится наш друг на этом криминальном поприще, разумеется, не один, а с целой командой преданных лично ему геологов, охотников, бандитов, бывших вояк, зеков и прочих головорезов.

Лет несколько назад золото со своих северов он возил десятками килограммов, но потом остепенился и вроде как занялся каменьями. Впрочем, в его дела я не лезу – сам взрослый мальчик и свои проблемы решает самостоятельно. Правда, не всегда законно, но всегда достаточно чисто – трупы конкурентов по улицам не разбрасывает, а пропавшие без вести кадры проходят совсем не по отделу расследования убийств и особо тяжких преступлений. Мало ли у нас в стране народу ежегодно пропадает?

Женька Коктаев уже лет двадцать живет и работает со мной. С девяносто первого года. Ну да. Точно. Двадцать четыре года, однако. Он у меня и телохранитель, и начальник службы безопасности, и правая рука, и командир небольшой группы ликвидаторов, и много чего еще. Есть такие люди, которые воюют всю жизнь. Надо только найти таких людей и предложить им работу. По их душе. К этим людям Женька и относится, и команду себе подобрал соответствующую.

Живет Женя здесь же, в нашем загородном комплексе в своем доме. Это просто удобно – не надо готовить, убираться и вообще. Одно время мы даже одну горничную на двоих делили. Чуть до драки не дошло, но все решилось к обоюдному согласию. В том смысле, что я завел себе пару отдельных горничных – брюнетку и рыженькую, а блондинку оставил Женьке. К тому времени

блондинка мне слегонца поднадоела, и я решил сделать подарок своему лучшему другу.

Черт! Время-то как бежит. Казалось, совсем недавно был тот день, когда мы всей толпой возвращались из Афгана на броне «семидесятки»[1 - БТР-70 – советский бронетранспортер. Боевая плавающая колесная машина для транспортировки личного состава мотострелковых подразделений.]. Женьки только на той броне не было. Он к тому времени уже два месяца как куковал в госпитале под Саратовом.

А, да! Наша неразлучная парочка – Глеб и Роберт, валялись в десантном отсеке в состоянии «полные дрова». Глеб Алексеенко и Роберт Буткус. Украинец и латыш. Друзья не разлей вода. И погибли тоже вместе. В девяносто восьмом. В Риге. Неудачно перебежали кому-то дорогу и взорвались в одной машине. Мы так и не смогли найти их убийц, хотя ищем до сих пор. Пока безрезультатно, несмотря на то, что сумма вознаграждения увеличивается с каждым годом.

Сколько же мы уже дружим? Восемьдесят девятый плюс, грубо говоря, два года минус сегодняшний день. Двадцать восемь лет, однако. В восемьдесят девятом мне было тридцать шесть. Сейчас шестьдесят два. Жаль-то как. Жизнь пролетела, и не заметил.

В этой жизни я видел всё: и гибель друзей, и предательство любимой женщины, и равнодушие детей. Были и взлеты, и падения, и опять взлеты. Сейчас вот вроде как взлет на недосягаемую для большинства в нашей стране людей высоту, а придется падать на пару метров ниже уровня земли-матушки.

Обидно, но не жалко. Если бы у меня была возможность прожить жизнь снова, я прожил бы ее так же. В общем и целом жизнь удалась. Ну, а мелкие разочарования? Покажите мне того, у кого их нет.

Отец у меня трудился военным дипломатом, летая по всему миру за счет государства. Мама погибла, когда мне было четыре года. Где и при каких обстоятельствах, мне так и не объяснили, а сам я выяснить не смог. Бабушка и дед были у меня старые разведчики. Я пребывал в слишком малом возрасте, когда они нарисовались в моей жизни.

Эту тему у нас в семье никогда не поднимали, но покуролесили они по заграницам изрядно – ордена Ленина и Боевого Красного Знамени в их конторе за фу-фу не давали. Бабушка сразу же стала преподавать три иностранных языка в спецшколе Службы внешней разведки. Дед, соответственно, тоже где-то что-то преподавал, в такой же закрытой конторе. Так что мы, мягко говоря, не бедствовали, но и детства как такового у меня не было.

Образование я получил соответствующее семейной традиции. К шестнадцати годам я знал помимо русского еще четыре языка, мог зубами словить мимо пролетающую пулю и попасть под несущуюся на полном ходу электричку. Без особого, впрочем, вреда для себя. Чего не сказать про электричку.

Словом, проблемы выбора профессии у меня не было. Окончил московскую школу КГБ и… дальше не сильно интересно. В восемьдесят шестом попал в Афганистан – была, так сказать, производственная необходимость. В феврале восемьдесят девятого вышел вместе со всеми. Потом много чего было и хорошего, и плохого, и крайне мерзкого, но все кончается рано или поздно. Вот и эта страница моей жизни проворачивается, как морская волна по прибрежной гальке – обыденно и привычно, но, к сожалению, помимо моей воли.

Обычно на наших встречах стол ломится от пойла и всевозможных вкусняшек. Да и девок я выписываю из модельного агентства своего приятеля и делового партнера, не жалея денег. Женька предпочитает французский арманьяк и блондинку, Яшка текилу и рыженькую, а Слава все, что крепче сорока градусов, но в основном водку и не меньше двух брюнеток.

Сам я практически не пью, но предпочитаю португальский кагор, а масть, национальность и вид верхней части туловища очередной партнерши для меня не важны, но объем молочных желез у очередной самки должен быть никак не меньше третьего номера.

Сегодня на столе только минеральная вода и морс. И конверты. У каждого по три объемистых конверта, лежащих перед моими друзьями посредине на удивление пустого стола.

– Сегодня у нас ежегодный праздник, – начал я негромко и замолчал.

Пауза была небольшая, но весомая. Ребята насторожились – начало было необычным, и это настроило их на деловой лад.

– Так уж получилось, что сегодня он будет проходить не здесь. И так получается, что он последний с моим участием. Сейчас за нами придет машина, и мы полетим во Францию. Есть у меня там «домик в деревне». Заскочим на недельку, развеемся, а потом рванем дальше на еще более теплые моря – в Ницце сейчас слякотно. Сюда я уже не вернусь. Хочу пожить свои последние дни на море. И хотелось бы, чтобы вы были рядом. У меня неоперабельный рак мозга. Жить осталось два месяца, а дальше очень сильные «колеса», превращающие человека в «овощ». Как вы сами понимаете, до такого доводить не хотелось бы. – И добавил вскинувшемуся и попытавшемуся что-то сказать Яшке: – Не надо, Яша, беспокоить твоего очередного дядюшку. Я был в Израиле. Там-то приговор мне и озвучили. Неделю назад. Весь этот год у меня периодически отваливалась бестолковка, но я списывал это на переутомление и спасался обычными болеутоляющими, а когда решился на обследование, оказалось, что уже поздно. Сами знаете, как мы все относимся к своему здоровью.

Эти конверты мой подарок вам. Помимо завещания. На тот свет блага этого не утащишь, так что, чем смогу, я вам помогу, но и вы со мной пару недель поживете. Хоть оторвемся напоследок, как в прежние годы. Ознакомьтесь пока. Сейчас сюда подойдет мой доверенный юрист – Юлий Маркович, и вы обговорите с ним всевозможные детали дележки этой части моего обширного «пирога». Оформлять имеет смысл не на себя, а на своих родственников и доверенных людей. Персонально на вас будут оформлены все мои зарубежные активы. До вашего приезда все эти документы будут лежать в адвокатской конторе Юлия Марковича.

Не имеет смысла таскать их через несколько границ. В мое завещание эти активы не включены. Ну ладно. Заговорился я. Изучайте бумажки, обговаривайте детали с Юлием Марковичем, а я подожду вас внизу.

* * *

Перелет на Лазурный берег не доставил никаких хлопот. Самолет себе я покупать не стал, но постоянно пользуюсь наемным бортом представительского класса одной иностранной компании, на четверть мне принадлежащей. Так что долетели быстро. От аэропорта Ницца – Лазурный берег до моего дома в Ла-Тур-

Фондю пара часов неспешной езды. Тем более что прилетели мы поздно вечером.

Тройка дней на акклиматизацию и созерцание моего французского великолепия, включая яхту за пару лямов «зелени», и загул на неделю. Так мы не отрывались даже в дни нашей молодости. Вернее – ТАК.

Ах, моя красотка Мари! Со своими подружками, разумеется. Не девочка – фантастика! А какие у нее выразительные буфера! Глаза в смысле. Конечно же она не француженка, а хохлушка, но кого на Лазурном берегу это волнует? Говорит по-английски и по-французски она вполне прилично.

Ну как же! Специализированная школа с изучением иностранных языков в славном городе Киеве! Модельная внешность досталась от мамы, мозги от папы, воспитание бабушкино. Именно эта благообразная, но прагматичная старушка успела внушить любимой внучке, что мужики все одинаковы и различаются только длиной, толщиной и количеством. Длиной жизни, проведенной с внучкой, толщиной кошелька и количеством отсыпаемого ей «бабла».

Окончив школу, Мари… Ох, простите, Колыванова Марина Евгеньевна, одна тысяча девятьсот девяносто шестого года рождения, взмахнула крылом и улетела по контракту на Лазурный берег, где никому не интересно, откуда приехала начинающая девушка не слишком тяжелого поведения. В смысле юная модель. Главное, что она все умеет, все понимает и ничего, кроме денег, ей не надо. Откуда я все это знаю? Ну, за что-то моя служба безопасности деньги получает?

В общем, оторвались мы по полной программе. И какого мужского полового органа нас понесло по пьяни кататься на машине? На лимузине в смысле. Причем вчетвером и без баб-с. И с какого большого и толстого я сам за руль сел?

И главное. Куда водитель лимузина подевался? Помню только, как мы от полицейской машины удирали. Проглючило меня – «менты» догоняют. И понеслось дерьмо по трубам.

Петляющий, как поддатый гегемон после тринадцатой зарплаты, серпантин дороги закончился неожиданно быстро. Я даже сообразить ничего не успел, как под колесами лимузина оказалась широкая набережная с разбегающимися в

разные стороны пешеходами. Поворота увидеть мне было не суждено. Я в это время, высунув голову в окно, посылал «европид… полицаев» куда-то далеко… но пошли мы все. В смысле полетели, а потом и поплавали: удар, свободный полет и – здравствуй, море.

Глава 2

– Александр! Саша! Сашенька! – Писклявый девчоночий голосок не давал мне спать, но и открыть глаза я не мог, как ни пытался. Девушка. Да нет, скорее девочка. И настырная какая! Господи, как болит голова!

– Мама?! Саша моргнул! – Странно как прозвучало слово «мама». С ударением на последний слог.

«Бред, какой-то! Какая „мама“? И что за девчонка? Откуда в моей жизни появилась маленькая девочка? Как же болит голова».

Попробовал пошевелиться – и отрубился от внезапно пронзившей всего меня боли.

Следующее пробуждение было ночью. Наверное, я все же правильно определил время суток. Одинокий ночник едва освещал просторную палату. Нет. На палату это никак не тянет. Шикарная комната с претензиями на роскошь – кровать как аэродром, розовое шелковое постельное белье, дубовый столик, заставленный банками-склянками. Странные какие-то банки. Из толстого чуть зеленоватого стекла. И с какого… они рядом с кроватью выставлены?

Рядом как изваяние застыла потрясающе красивая деваха в белоснежном халате и с… чепцом на голове? Как называется эта косынка с небольшим красным крестиком на лбу? А какие у нее выразительные глаза! Ну, никак не меньше третьего размера!

Увидев, что я очнулся, девушка взяла со стола белый чайник с узеньким горлом, наклонилась надо мной, и в меня стала вливаться живительная, чуть кисловатая влага.

Кайф! Вот чего мне не хватало! Не успел напиться, как руки сами без моей помощи нащупали эти восхитительные полушария. Опыт не пропьешь! В конце концов, жить мне осталось совсем немного, а за такое удовольствие можно и потерпеть легкую пощечину по моей и так уже побитой морде.

Ну, никак нет. Третьим размером здесь и не пахнет. Никак не меньше четвертого! И на ощупь просто потрясающе упругие!

– Что за глупости, князь! Вам надо сначала выздороветь, а уж потом руки распускать. Это всегда успеется, – без тени смущения произнесла девушка.

Лет двадцать ей? Бархатный голос обволакивал меня, и я не сразу зацепился за слово «князь», но с удовольствием ухватил «это всегда успеется». Значит, еще не все потеряно! «По морде» отменяется! Сразу, по крайней мере.

«Князь». Давно меня так в лицо не называли – с Афгана. Фамилиё мое Князев, поэтому позывной «Князь» идет со мной под ручку всю жизнь. Но… Как-то прозвучало это «князь» не так. Не как позывной, а почтительно, обыденно, что ли?

– Как вас зовут, прекрасная незнакомка? – спросил я и осекся.

Девушка стрельнула на меня глазами и произнесла:

– Даша. Вы что, совсем меня не помните? – Вопрос девушки прозвучал несколько оторопело, а я в это время куда-то проваливался на кровати.

Нет. Я не вспомнил. Совсем нет. Воспоминания просто вдавили меня в кровать. Они были осязаемы. Материальны. Вливались в меня стремительным потоком и ощущались как единое целое со мной, но это были не мои воспоминания. Вчерашний «я» сливался с сегодняшним. Переплетался с ним. При всем при том, что руки, лежащие на одеяле, были не моими и… И моими? Голос мне не принадлежал, но в то же время был моим. Черт! Так и головенкой тронуться недолго!

Распластавшийся на шикарной, никогда не принадлежавшей мне кровати щенок никак не мог быть мной – мощным, начинающим грузнеть шестидесятилетним

мужиком, всю свою сознательную жизнь занимавшимся смертоубийственными единоборствами. Даже зарабатывание денег не считалось мною приоритетным направлением в жизни. Это было скорее хобби, приносящее мне кайф намного бо?льший, чем наркотики, алкоголь и женщины, вместе взятые. Впрочем, женщины всегда стояли в моей жизни несколько обособленно.

…Голова Даши на моем плече. Ее каштановые волосы на подушке. Потрясающая грудь, шаловливо выглядывающая из-под одеяла, и… я. Князь. Ошибки никакой нет. Князь Александр Сан-До-намито. Это ощущение возникло стремительно и буквально размазало меня по шелковой простыне.

Блин! Вот это попал так попал! Владелец заводов-газет-пароходов. Собственные виноградники и винодельни, тройка отелей и пара кафешантанов на Английской набережной Ниццы, магазины, транспортная компания, банк, несколько торговых кораблей и что-то еще. Понятно, что все это не мое лично, а принадлежащее моей нынешней семье, но в целом парнишка я не бедный. Ну почему все какими кусками вспоминается?

…Друзья – абсолютно незнакомые мне молодые лощеные лица…

…Вчерашняя попойка – шампанское и много разнообразнейшего вина. Ни водки, ни коньяка нет. Что характерно…

…Антикварный для моей прежней памяти «Ситроен», с бешеной скоростью несущийся по набережной…

…Допотопный руль, как живой трясущийся в моих руках, и бьющий в лицо ветер…

…Бутылка шампанского, открытая моим нынешним приятелем Степаном Барбьером. Какое странное сочетание имен! Неловкий взмах его руки. Удар и темнота. Больше ничего не помню…

* * *

Воспоминания последующих трех недель продолжали давить на меня, как танк на не обкатанного пехотинца в траншее. Мне казалось, что надо мной постоянно

крутятся все сорок две тонны танка Т-72, пытаясь достать до меня своими гусеницами.

Память моего невольного визави возвращалась ко мне в основном ночью и ранним утром. Днем я изображал придурка, потерявшего эту самую память, а ночами мучился с устаканиванием помятых мозгов и совершенно разных воспоминаний. Хотя, конечно же, изображать приходилось немного, но с каждым днем я все больше и больше разбирался в обстановке, попутно вживаясь в свой новый образ и течение этой неспешной жизни.

Итак. На дворе февраль тридцать девятого года. Французская Республика. Ницца. Один из особняков нашей семьи находится на самом берегу «Залива Ангелов» и почти в центре столицы Французской Ривьеры.

Моя нынешняя ипостась – великовозрастный балбес, который в моем мире и времени зовется «мажором». По происхождению действительно князь. Один из отпрысков известнейшей и богатейшей в царской России торгово-промышленной фамилии, успевшей свинтить от кровавого катаклизма русской революции. Вернее, не успевшей вернуться. Ибо наша семья к тому времени почти в полном составе жила во Франции.

Княжеское звание один из моих предков получил в Италии, деньги зарабатывал в России, а прокручивал их во Франции, Великобритании и Германии. Отсюда такой разброс нашей семьи – различные представители фамилии осели во всевозможных странах Европы, причудливо переплетясь с дворянскими родами различных стран.

Я младший сын весьма многочисленной ветви семьи. Мот и придурок, но, тем не менее, образован – воспитание получил соответствующее происхождению. Знаю пять языков – немецкий, французский, итальянский, английский и испанский. Ну и русский, разумеется. В семье уважением не пользуюсь, ибо мот и придурок. К тому же я именно младший сын – кроме меня у папашки еще двое сыновей и две дочурки на выданье. Соответственно, я просто получаю ежемесячные деньги на карманные расходы, так как все давно махнули на этого обалдуя рукой.

Живу отдельно от всей семьи в отдаленном флигеле, превращенном мною в некую помесь кабака с публичным домом, в котором постоянно тусят такие же придурки, как и я. И напоследок клубничка: именно с этими тремя

великовозрастными обалдуями я с собственной набережной в собственном автомобиле и слетел.

Как это ни странно, вытащили нас из воды совершенно посторонние и незнакомые нам люди и растащили по койкам. В смысле по домам и больницам. Меня, понятно, сначала в лучшую больницу города, а потом домой, а вот остальных просто по собственным особнякам.

В больнице я провалялся всего четыре дня, а после был переведен на домашнее лечение, причем в сознание к тому времени меня привести так и не смогли. Что само по себе для меня очень тревожный признак. Объяснение этому – дабы не привлекать внимания журналистов, прямо-таки вьющихся вокруг моей совершенно нескромной персоны.

Объяснение слеплено кем-то неумным и для деревенского недоумка, но я съел и не поморщился, так как деваться элементарно некуда. За неимением гербовой – рисуем на туалетной, за неимением графини периодически с никак не меньшим удовольствием пользуем горничную. Тем не менее, вспоминая некоторые, так сказать, «проказы» юного князюшки, я понимаю, что подобные опасения не лишены основания.

А, да! Вторая клубничка! Периодически появляющаяся у меня Даша моя… Как бы это поприличней выразиться? Горничная, гувернантка. Нет, все не то. Да ладно. Не буду кривить душой. Содержанка. Вот уже полгода как. По совместительству действительно сестра милосердия, оплачиваемая в настоящее время управляющим нашего имения. И мне вот уже некоторое время приходится от нее уворачиваться.

Почему? Боюсь, поймет она все сразу. Какой сексуальный опыт у великовозрастного балбеса и какой у меня? Несопоставимые вещи. А гормоны у меня зашкаливают, и сдерживаться приходится постоянно.

В общем… Не знаю, это князюшко такой любвеобильный или уже я, увидевший женщину своей мечты, но, сколько веревочке ни виться, а конец один. Если сказку вспомнить о клубке-навигаторе, конец там тоже был один. Как бы двусмысленно это ни прозвучало.

Вот и Даша у меня в постели оказалась несколько раньше моего окончательного выздоровления. На свою беду. Не знаю, какие отношения у нее были с моим прототипом, но на утро от меня она не ушла, а уползла, едва переставляя ноги. Зато голова у меня перестала болеть. Почти. Во всем надо находить приятные моменты.

Странное дело, но память у меня стала лучше. Вернее, не так. Теперь, спустя всего несколько недель, я мог вспомнить обе свои жизни до мельчайших подробностей. Я легко вспоминал детские проделки юного, испорченного в раннем детстве князя и мои тяжелейшие рейды в горах Афганистана. Первую горничную, заваленную на спину любвеобильным князюшкой, и первый крик своей новорожденной дочурки.

Несмотря на довольно тяжелую травму, с головой у меня все потихоньку-полегоньку устаканилось. Нет. Приличный шрам, конечно, останется. Говорят, шрамы мужчину украшают, но то же мужчину, а не этого начавшего жиреть в свои двадцать два года ничего в этой жизни не представляющего олуха. Правда, тело мне досталось весьма недурственное. Что значит порода и столетия тщательного и вполне естественного отбора!

Едва оклемавшись, я сразу же потребовал принести мне несколько дорожных блокнотов и максимальное количество карандашей и принялся записывать. Еще в самые первые свои часы в этом мире я заметил странную особенность. Слияние двух сознаний затронуло не только бытовые воспоминания двух личностей, но и видоизменило качество самой памяти.

Теперь без особого труда я мог вспомнить любую деталь, событие или прочитанный мною текст из моей прежней жизни и сейчас пока бессистемно выкладывал все это на бумагу. Нет. Совсем не для того, чтобы все это кому-то передать. Так мне проще было систематизировать знания и память двух совершенно разных людей. И не только память.

К примеру, в той жизни я не знал итальянского языка, а теперь знаю его как русский, но для молодого князя это один из родных языков. Один из пяти иностранных языков, кроме русского, которые прекрасно знал этот молодой парень.

А моя память? Вот зачем мне сейчас ТТХ АГС?17 «Пламя»? Или полный чертеж РСЗО «Град», вместе с разнообразными боеприпасами и устройством самих ракет различных типов? Или боевой устав бронетанковых и механизированных войск Красной армии от тринадцатого февраля 1944 года? И ведь я даже не помню, где и когда я это прочитал, но лезет, лезет все это из головы, как из дырявого мешка, и пока не запишу, так и будет крутиться где-то рядом, назойливо свербя мою черепушку в районе левого уха.

Можно и не писать, но прокрутить в голове, обслюнявить и положить на полочку просто необходимо, иначе так будет сидеть в подсознании как заноза, и пока не встанет на место в новой голове, так и будет болтаться, как дерьмо в проруби.

Теперь я прекрасно понимаю, почему в самые первые дни так хреново себя чувствовал, а сейчас с каждым днем все лучше и лучше, правда тетрадей, дорожных блокнотов и стопок простой писчей бумаги мне пришлось исписать уже более трех десятков. И конца и края этому словесно-мыслительному поносу пока не видно.

К счастью, у князя сейф обнаружился, и все это хозяйство Дарья Никаноровна под моим пристальным взором каждый раз убирает в этот железный ящик, а то она уже порывалась пару раз заглянуть в мои записи.

Еще окончательно не выздоровев, я принялся немного тренироваться, ибо вставать без нормальной зарядки с раннего детства не могу. Со своего детства, разумеется. И также не спеша принялся использовать Дашу в качестве клубка-навигатора по этой жизни.

После той памятной для нас двоих ночи она стала относиться ко мне весьма настороженно, но я отбрехался любовью и отбитой башкой. Прокатило не очень, но деваться, как оказалось, ей просто некуда – бесприданница.

Папаша моей содержанки, бывший полковник Генерального штаба царской армии трудится в нашей транспортной компании обыкновенным клерком. Мамаша в одном из наших отелей кастеляншей подвизается. Дарья – медсестра с прагматичным умом и сообразительностью. Прямо активистка, комсомолка и просто красавица. Вцепилась в меня, не оторвать, и даже полудохлую мою светлость не бросила, а выхаживала как младенца. Что опять-таки странное поведение для содержанки подобного уровня.

Помимо Дарьи в ее семье еще две дочки. Дашка средняя. Старшая сестра, к счастью для себя, удачно выскочила замуж, младшая на подходе к данному безобразию. Одна Дарья Никаноровна в свои двадцать четыре года в девках зависла.

Впрочем, уже давно не в девках. С восемнадцати лет она по липким рукам стареющих ловеласов болтается, и выйти замуж ей совершенно не светит.

Этакий переходящий из рук в руки приз. Проституткой в глаза не называют, но за глаза этот ярлык прилеплен намертво – не отмоешься. Что для барышни в ее возрасте и положении в местном обществе труба полная. Как она докатилась до такой жизни, мне пока выяснить не удалось, но что-то там нечисто.

Такая же труба и с моими мозгами. Я не сильно понимаю, как в одной черепушке уживаются две памяти. Наверное, ученые все же правы, предполагая, что человек использует не более десяти процентов своего мозга, а иначе объяснить все произошедшее со мной просто невозможно.

Причем куда девался сам князюшко как «личность», я не сильно понимаю. У меня осталась только его память. И, кстати говоря, я обнаружил, что жиреть князюшко начал оттого, что бросил спортом заниматься и принялся неумело бухать от неразделенной любви. И не только спортом, надо сказать.

С ранних лет молодой аристократ дружил с сыном казачьего сотника, а у того в «дядьках» ходил казак-пластун, который тренировал не только своего воспитанника, но и его приятеля. Вот только годика полтора назад это великовозрастное дитятко разосралось со своим приятелем из-за барышни и прекратило всяческие контакты с ним.

Но все это вилами по воде писано. Вопрос остается прежним. Что мне делать? Прежняя жизнь начинающего алкоголика мне претит – человек я по жизни деятельный. Но на этом и все. Возможностей в том положении, что я нахожусь, ноль целых ноль десятых. Тех денег, что мне папа? выделяет, только на Дашу хватает.

Шутка. Хватало и на разгульную жизнь, и на Дашу, и на экстремальные виды спорта. Я с удивлением вспомнил, что неплохо размахиваю казачьей шашкой. Причем двумя руками. В смысле двумя шашками. Умею водить мотоцикл и

автомашину. В местной комплектации, разумеется. Даже летаю на самолете и дважды прыгал с парашютом, чуть не обгадившись именно во второй раз. В первый я просто ничего не понял.

Понятно, что самолет не «сушка» или МиГ, а старенький «Ньюпор-Деляж» NiD-62

. Летал даже на знаменитом во Франции «Девуатине» D.500

, но очень не много – слишком быстро понял, что полеты над грешной землей это не мое.

Есть у меня в этой жизни приятель, у которого отец служит командиром эскадрильи французских ВВС. Ну а то, что невозможно сделать за деньги, можно сделать по знакомству или за большие деньги. Нужное подчеркнуть. В данном случае получилось по знакомству, за средние деньги и возможность приобщиться сыну французского летчика к разгульной жизни высшего света.

Надо сказать, весьма сомнительная с моей стороны услуга, но, во-первых, эта услуга мне ничего не стоила, а во-вторых, это не мое дело. С другой стороны, примелькавшись в таком обществе, можно найти себе подходящую жену, любовницу или на задницу приключений. Кому как везет по жизни.

В процессе выздоровления я понял, почему меня больше никто не навещает из моего многочисленного семейства и почему меня так спешно убрали из больницы. Дело в том, что вся моя семья живет в Париже, а я от оной семьи после одного скандала, мягко говоря, отлучен. Что и неудивительно – по пьяни залезть под юбку к любимой доченьке видного французского банкира прямо на званом обеде у них в доме это исхитриться надо.

К слову сказать, моя партнерша была не сильно против подобных моих действий, так как была практически в состоянии нестояния, но лежать пыталась весьма активно. В том смысле, что мы вроде как уединились, но крайне неудачно – папаша не вовремя вошел в собственный кабинет. Причем во главе очень представительной компании.

Скандал был тогда грандиознейший. В узком кругу, разумеется, – сор из избы выносить не стали, но общественное порицание мне вынесли. С высылкой на пленэр. В смысле на дальнюю дачу, в которой зимой никого не бывает – вся светская жизнь в холодное время года происходит в столице. Так сказать, послали с глаз долой, хорошо, что не с отлучением от наследства. Здесь подобное случается сплошь и рядом. Классно, что и не с выпиской в грудную клетку, как это принято в моем мире.

А из больницы меня убрали, потому что я вроде как умер. Диагноз мне такой поставили местные эскулапы – клиент скорее мертв, нежели жив. Травма головы у меня была только поверхностная – самое обыкновенное рассечение кожи на лбу, а вот все остальное внутри… Что у бедного князька там сдвинулось, местные эскулапы понять не смогли и просто, но от этого не менее изящно, умыли свои тщательно продезинфицированные спиртусом руки.

Дышать на тот момент я пока еще дышал, но не более того, а к моей бездыханной тушке уже подбирались вездесущие журналюги. Престижной больнице померший в ее стенах высокопоставленный клиент был не сильно нужен – подобная реклама положительной репутации больничке не добавляет. Вот и убрали меня сдыхать во флигель под присмотр Даши и личного, но приходящего не слишком регулярно врача, а я взял да неожиданно для всех выжил.

Глава 3

Так бы я и мучился с восстановлением собственного «Я» и устаграммливанием прошлых воспоминаний, если бы вскоре не произошли события, напрочь перечеркнувшие всю прошлую жизнь тихо почившего в бозе князя и его вновь приобретенного партнера. Впрочем, о молодом князе можно было бы уже и забыть. За все прошедшие недели он в нашем общем тельце никак не проявился, а значит, это теперь уже я.

Второй шанс, однако. Необычный, но не сказал бы, что неприятный. Полученное тельце я потихонечку доведу до ума, чем заняться – найду, но то, что скучно никому не будет, это к гадалке не ходи.

В один прекрасный день, в тот самый момент, когда я уже заканчивал свою утреннюю тренировку, включавшую в себя в том числе и бой с тенью, во дворе моего флигеля вместе с Дашей нарисовались сразу два персонажа.

Первый – высокий красавец с пепельно-русыми волосами и начинающимися пробиваться усиками, щеголял легонькой повязкой на правой руке. Второй был ненамного ниже, но…

Сразу видна была порода, что ли? Блондинистый до белобрысости. Немного у?же первого в плечах, но явно сильный и хорошо тренированный молодой человек, слегка припадая на правую ногу, держался за щегольскую тросточку.

– О ля-ля, Александе?р! – услышал я за спиной до боли знакомый голос. Память подсказала: Степан Барбьер. Единственный наследник русско-французского фабриканта, ныне уверенно пребывающего на том свете.

Батюшка Степана, сведя в гроб матушку, пустился во все тяжкие и всего чуть более чем через год изволил скончаться на очередной актрисульке, оставив единственному сыну весьма нехилое состояние.

Сынок делом отца заниматься не пожелал, и знамя успешного бизнеса подхватил очень предприимчивый младшенький брательник покойного бизнесмена, отправивший родного племянника на юга? – с глаз долой, от финансов подальше. Дядюшка трудится в поте лица, наполняя французскую армию мундирами, аксельбантами, ремнями да сапогами. Наследник трех заводов и десятка небольших полукустарных фабрик благополучно усваивает выделяемые не скупым родственником деньги.

– Вот оказывается, что бывает, когда благородный человек несвоевременно получает бутылкой шампанского по своей не менее благородной голове! – продолжил мальчик-мажор.

В голове моей очень неприятно щелкнуло, и под повязкой сразу же зачесалась уже почти зажившая рана.

Точно! Вот из-за этого увальня мы с набережной-то и слетели. Я сначала получил бутылкой по голове от этой пьяни, а уж потом мне добавилось чем-то еще.

«Убью урода!» – мелькнуло у меня в голове совершенно непроизвольно.

Спрыгнув с турника и разминая кисти, я направился в сторону весело трендящего, но не понимающего, что ему наступает неожиданный, но от этого не менее неминуемый конец его бестолковой жизни субчика.

– Князь! Что-то Дарья Никаноровна у вас совсем заскучала. Может, мне сто?ит обучить ее той самой новинке, в которой не было равных хорошо знакомой нами Ксении. Помнится мне, еще Моника Левински очень удачно выступила с этим прямо-таки непревзойденным номером.

Не дойдя пятка шагов до глумящегося парня, я как будто налетел на бетонную стену.

«Твою же мать!» Фраза, автоматом проскочившая у меня в голове, была несколько длиннее и намного непечатнее.

– Я тебе обучу! Испортишь мне девочку, я тебя такому обучу, что Боря Моисеев к тебе на мастер-класс запишется, а в «Голубой устрице» ты будешь звездой ежевечернего шоу. – Это стопудово Женька! Можно и не гадать.

Он всю жизнь пытается моих баб клеить. В шутку, конечно же – чувство меры у моего друга развито отменно, а после совместной горничной, которую как раз звали Ксения, у него башню больше не сносит. Мой друг прекрасно понимает, что горничных много, а жизнь одна, и прожить ее желательно не в инвалидной коляске. И вообще прожить – некоторые шутки я категорически отказываюсь понимать.

– Князь! – Белобрысый притворно закрылся от меня тросточкой, выставив ее горизонтально на вытянутых в мою сторону руках.

Вес своего тела при этом он перенес на левую ногу. Видимо, правая подставка у него все же повреждена значительно больше, чем он пытается всем показать.

– Мы и не знали, что вы настолько разносторонне испорчены. Может, все же ограничимся девочками? Помнится мне, в уютном гнездышке под названием «Волчье логово» вы не были столь распущены.

«Ой, ё! Еще один!» – опять мелькнуло в моей ошарашенной происходящим голове.

«Волчьим логовом» Славка называл родительскую квартиру на улице космонавта Волкова в Москве у метро «Войковская».

– Посмотрим на ваше поведение. В дом заходите, – буркнул я, моментально успокоившись.

– Дарья Никаноровна! Будьте так любезны. Распорядитесь насчет кофе, пожалуйста, – попросил я настороженно прислушивающуюся к нашему безмятежному разговору Дашу.

Вроде невинный наш разговор был пропитан недосказанными фразами, а как я заметил, люди этого времени здорово отличают недосказанные слова во вроде бы невинном разговоре, пытаясь понять, что имел в виду собеседник. Вот и сейчас девушка не понимает смысла недосказанных слов и фраз в нашем разговоре, и это ее сильно напрягает.

Поглядим. Славка кофе вообще не пьет, а чай предпочитает только с молоком. Связано это с какими-то детскими воспоминаниями. Славка никогда об этом не говорил, а я не докапывался.

– Дарья Никаноровна! После удара по и так не слишком умной голове у моего друга что-то с памятью. Мне, если вас не затруднит, чай с молоком! – Издевка в голосе белобрысого просто зашкаливала. Точно Славка.

Так. А где же Яшка? Неужели погиб? По информации Дарьи, четвертого нашего покатушечника откачать так и не смогли, и уже давно и без особых почестей закопали на кладбище его юную тушку. Жаль, если это Яшка. Без него наша команда не команда.

* * *

Услав Дашу в город на дневной променад, я принялся расспрашивать своих вновь обретенных друзей, но никакой путной информацией они не владели, хотя нашли друг друга уже достаточно давно.

В отличие от Степана – так сказать, плода русско-французской дружбы, Славка плод дружбы русско-немецкой. Мама? у него русская дворянка, папа? – немецкий барон. Живут, как это ни странно, во Франции – мама? постоянно в Париже, папа? мечется между Марселем и Парижем, периодически зависая у сыночка – есть у стремительно стареющего барона здесь своя пассия. Впрочем, сильно подозреваю, что и в Марселе он не одинок и, судя по местной малышке, его марсельская любовь совсем недавно закончила школу. О времена! О нравы!

– Рассказывайте. А то я здесь в полнейшей изоляции – только охрана, горничная и Даша. В первую очередь меня интересует, как вы со своими головами сдружились? Я, если честно, в самые первые дни чуть башней не съехал. Пока не сообразил все писать или думать «громко» и прокручивать в голове события и знания.

Женька вдруг заржал, согнувшись и хлопая себя по коленям. Рядом с ним хохотал Славка.

– Ты не поверишь! – чуть продышавшись и утирая слезы, заговорил бывший химико-геолог. Вид при этом он имел донельзя довольный. – Я пока три учебника по химии по-новой не создал и пять десятков тетрадей не исписал, не успокоился. Саня! Ты только представь! Я по памяти написал двухтомный школьный учебник по химии для седьмого тире одиннадцатого класса и химию для вузов Никольского и Суворова! Я гений! Я даже не помнил, что все это читал, а написал так, как будто книги перед глазами лежали. И сейчас еще пишу. Из меня лезет все, как дрожжевое тесто.

Однажды ночью вскочил и принялся писать состав всех антибиотиков, которые знаю. Думал, откуда у меня такие знания по фармакологии? А потом вспомнил. В две тысячи третьем приятель у меня заболел в экспедиции, а там мало того, что до ближайшего жилья километров четыреста, так и вызвать туда «левый» вертолет это автоматически себе лет пятнадцать навесить. Но мы на ту заимку несколько лет таскали лекарства, вот и принялся читать, что и от чего помогает. Прикинь! Почти четверо суток писал то, что по жизни никогда не понимал.

Со всем остальным полный атас! Только систематизирую химию, лезет геология. Справился с геологией, полезла геологоразведка, затем все месторождения, что знаю, а я их много знаю – специально же ездил по закрытым и давно заброшенным. Да ладно бы только месторождения, все детали вижу, как на

цветной картинке. Даже самые мелкие подробности помню. Вот на кой мне маршрут до ручья, где мы с Яшкой в середине девяностых золото ковыряли? Так нет же. Все камни в этом ручье помню, как таблицу умножения. – Славка обескураженно замолчал.

– А ты думаешь, чего мы у тебя так поздно появились? Сами писали как проклятые. Я пока не утряс все воспоминания, из дома выйти не смог. Тоже десятка четыре тетрадей получилось, – добавил проржавшийся и посерьезневший Женька.

Я его понимал, как никто другой – знания у нас с ним ну очень специфические. Женька капитан спецназа ГРУ, да и после войны он у меня совсем не фиалки выращивал и девочек выгуливал.

То, что мой друг в своих тетрадях понаписал, сейчас даже в теории ни в одной армии мира не практикуется. Самбо недавно создано. Осназ в зачаточном состоянии. А уж о действиях разведывательно-диверсионных отрядов в глубоком тылу противника или совместно с армейскими подразделениями и говорить не приходится.

– Ладно бы только по профилю. Ты мне лучше скажи, откуда я устройство тампакса с аппликатором знаю? И ведь пока его со всеми подробностями не нарисовал, не успокоился! – обескураженно выдал мой друг.

Теперь мы ржали уже втроем. И ведь правда. Откуда я знаю устройство того же унитаза или принцип работы микроволновки? А ведь тщательно зарисовал и расписал.

– Дело ясное, что дело темное. Голова прибор нежный, а по нему автомобилем да со всей дури. Значится так – пару дней вам на утрясание записей, а потом тащите свое творчество ко мне. У меня сейф большой. Думаю, все поместится. Что со всем этим делать, потом будем думать, – подвел я черту под началом нашего непростого разговора.

Не скажу, что у нас что-то могут украсть, но предосторожность не лишняя. Да и мне так проще соблюдать режим секретности – прежняя моя профессия и весь образ нашей жизни конца двадцатого – начала двадцать первого века не давали мне сегодняшнему покоя.

– Теперь следующий вопрос. Как погиб четвертый? Кто нас вытащил из машины? Что было дальше? Меня интересует полная хронология событий. Короче – все, что знаете, а то Дашка не мычит, не телится. Похоже, получила жесткие инструкции от управляющего имением. Сильно подозреваю, что зарплату она получает у него не только как медсестра – слишком странно себя ведет. – Я прервался.

Пусть ребята мне пока эту информацию расскажут. Сразу много вопросов задавать нельзя – запутаемся.

– Четвертого зажало смявшейся крышей машины, и вытащили его только с автомобилем. Был мертвее мертвого – при падении в воду сломал себе шею. Второй сын генерала от инфантерии

. Русский. Двадцать четыре года. Похоронили через три дня без нас на общественном кладбище. На могилу мы ездили, но больше ничего не выясняли, – докладывал Женька четко, но не забывал и про детали, зная, как я к ним отношусь.

– Нас всех вытащил какой-то пацан. Славка тоже башкой отоварился и уже захлебывался. Сначала пацан его утащил к берегу – там было где-то по пояс. Прислонил Славку спиной к набережной и к нам. Вытащил меня – я к тому времени тоже уже уехал, дотащил меня до Славки – он в процессе успел проплеваться. Мальчишка скинул меня ему на руки и к тебе, но машина уже сползала на глубину, и за тобой пацан нырял. Судя по всему, ты выжил только потому, что каким-то чудом оказался в воздушном пузыре и пацан тебя все же умудрился достать. Как он сподобился твою тушу дотащить до поверхности, где вас обоих перехватили охранники парка, одному богу известно. Еще минута и звездец – не откачали бы обоих.

Каким образом мальчишка оказался в частном парке и на частной набережной – никто не знает. Его даже полиция в больнице допрашивала. Вытаскивая нас, он сильно простудился и, по информации из газет, уже умер. По национальности то ли португалец, то ли испанец, то ли вообще еврей. Выяснить не представлялось возможным – в газетах его имя вообще не упоминалось. Сам я этого пацана плохо запомнил – мальчишка лет пятнадцати. Худой, жилистый, но очень упорный. За тобой нырял до последнего. Вытаскивая тебя, сам наглотался воды

и потерял сознание. Охранники его еле откачали и отправили в больничку для бедных.

– Еврей, говоришь? – Я наливался бешеной злобой.

У меня такое иногда бывает. Особенно когда собеседник и по совместительству мой лучший друг тупит, как мутант осла и барана.

– А Яшка у нас кто? Китаец?

Женька остолбенел – такое ему в голову не пришло.

– Значит так. Берешь ноги в руки, а в горсть «бабла» и мухой в полицейский участок, в больничку и в редакцию газеты, что писала об этом пацане. И чтобы завтра, самое позднее послезавтра мальчишка был здесь. Если плох, наймешь лучших врачей, но Яшка выжить должен.

* * *

Мальчишку мы нашли на четвертый день поисков, да и то совершенно случайно – через охрану усадьбы. Ни в полиции, ни в редакции газеты, ни в больничке для бедных слоев населения, здорово смахивающей на ночлежку, никакой подробной информацией о нем не располагали.

Как оказалось, в нашей усадьбе пацан не был посторонним, а был сыном прачки, обстирывающей еще и охранников нашей усадьбы. Вот только конкретного адреса его проживания никто не знал или нам специально не говорил.

В тот памятный для всех нас вечер мальчишка как раз возвращался от одного из охранников, притащив тому тючок постиранной одежды. Воспаления легких, к счастью, пацан не заработал, но сильно простыл и валялся в состоянии полного нестояния в закутке, который они на двоих снимали с матерью.

Почему к счастью? Сейчас это почти смертный приговор – антибиотиков в этом времени пока не придумали и воспаление легких это гарантированная смерть для бедняков, рыбаков, портовых грузчиков и нищих. Да и для большинства остальных тоже. За редким исключением. Почти в такое же исключение попал и

Яшка, на тот период еще не бывший таковым.

Нашла пацана Даша. Уже тогда, когда мы поставили всех на уши и, не найдя искомое, почти опустили руки, моя содержанка слила мне наводку на пацана. Поняв, что мы ищем мальчишку, чтобы отблагодарить его за собственное спасение, она просто выдала всю информацию о нем. С-с-самка собаки.

Вообще-то Дарья Никаноровна подобным поведением меня уже достала – информацию она мне сливает весьма дозированно, хотя и достаточно своевременно. Похоже, ее действительно перекупили. Кто я, пока не поняла, а князек не понял бы вообще, а так как ни умом, ни житейским опытом к своим годам он еще не обзавелся, то Даша особенно и не скрывается. Меня пока такое положение вещей устраивает, но серьезный разговор с любовницей совсем не за горами – оставлять рядом с собой мутного стукача смысла не имеет.

Обнаружив пацана, Женька попробовал его с ходу умыкнуть с собой, попутно объясняя его матери, что князь, которого ее отпрыск спас от смерти, хочет лично поблагодарить спасителя, но не тут-то было. Объяснения вроде прокатили, но уперся сам мальчишка. К тому же он был не сильно транспортабелен – то есть ходил по стеночке до туалета, но не более того, так как за время болезни сильно ослаб.

Тогда Женька притащил дорогого врача, засветил неслабые деньги и вывез мальчишку якобы в частную больницу, а на самом деле ко мне домой. Флигель у меня только называется флигелем. На самом деле это отдельный дом в глубине обширного парка на шесть комнат плюс гостиная, кухня и прочие хозяйственные помещения, так что поместить мальчишку с максимальным комфортом мы смогли влегкую.

Надо сказать, что Изя энд Яша оказался натуральным иудеем и не сразу нам открылся. В лоб мы его, разумеется, ни о чем не спрашивали, но постоянно в разговоре упоминали о событиях нашей прежней жизни. В свою очередь хитрый мальчишка изображал полнейшее непонимание процесса.

Похоже, пацан просто наслаждался новой для него жизнью. Мы окружили его максимальной заботой, а лечение, уход и калорийное питание были к ней приятным бонусом. Доктор после внушительного пистона от меня и приятной стопки купюр от Степана почти неделю отходил от мальчишки только за

лекарствами и переночевать.

В качестве альтернативы, в случае летального исхода пациента, я на полном серьезе пообещал доктору жуткую кастрацию тупым ножом. Так что местный пилюлькин проникся по самое не могу и, по-моему, впервые в жизни пожалел, что выбрал такую непредсказуемо опасную стезю врача.

Кстати, ухаживала за новым пациентом та же Даша, заботясь о нем как о младшем братишке, а так как выдающиеся стати моей содержанки так никуда и не делись, то мальчишка просто пожирал ее глазами. Не скажу, что меня это расстраивало – скорее забавляло, но отсутствие в нашей жизни Яшки здорово огорчало и серьезно напрягало всю нашу компанию.

Так прошло еще четыре дня, и я уже практически пал духом. Нет. Выгонять мальчишку из своего дома я и не собирался. Его матери мы собрали достаточно большую сумму денег, чтобы она год ни в чем себе не отказывала, и устроили на постоянную работу в имение, слегонца урезав права управляющего. Просто я своей властью рассчитал горничную, убиравшую мой флигель, и взял на работу мать мальчишки, поселив ее в комнате, где лежал сам пацан. По сравнению с грязным углом, который они перед этим снимали, эта комната была для них дворцом падишаха. И, как оказалось впоследствии, я не прогадал.

Однажды за завтраком, увидев выходящую из моей спальни Дашу, мой хитровырожденный друг просто сказал мне:

– Вот что такое не везет и как с ним бороться? Ты, Саня, второй раз в своей жизни князь, а я как был иудеем, так и здесь ни хрена не изменилось. Как имел ты королев, так и в этой жизни не останавливаешься. – Самое забавное заключалось в том, что Даша уже подошла к нашему столу и стояла прямо за спиной этого засранца, уронив челюсть на пол. Тон и слова пятнадцатилетнего щенка никак не соответствовали обращению к аристократу и хозяину дома.

– И что мне теперь с ней делать? В парке закопать или в море утопить? – Я глазами показал Яшке на застывшую как изваяние девушку, но он, лишь слегка скосив взгляд, так же безмятежно ответил:

– Да ладно, Сань. Тебе ли ее опасаться? Ну, стучит девочка управляющему, а тот докладывает главе семьи, но это, так сказать, норма поведения. Тебя же все уже

мысленно похоронили, а ты мало того, что выжил, так и разительно изменился, и всем интересно, во что это безобразие выльется. Управляющий уже ремонт здесь собрался делать, подготавливаясь к приезду княгини на летний сезон. Виды он имел на этот флигелек весьма конкретные, да и на Дашу тоже. Главное – это то, что Дарья Никаноровна собирает информацию о тебе и окружающих тебя людях для бывшего штабскапитана Отдельного корпуса жандармов, ныне являющегося одним из руководителей Русского общевоинского союза во Франции барона Германа фон Винзборга. – Яшка сделал паузу.

Из уст малолетнего мальчишки все это прозвучало настолько дико, что мгновенно побагровевшая Даша, не успев произнести ни звука и закатив глаза, рухнула в обморок.

Вот за что я люблю благородных девиц, так это за такое проявление чувств! Чуть что, сразу в бессознанку и ну шикарной шевелюрой паркет полировать. Женщин в моем времени подобным пассажем смутить просто нереально. За редкими исключениями, но те исключения в шпиёнские игрища и не играются.

– Ты-то откуда все это знаешь? – спросил я Яшку, подобрав девушку с пола и пристраивая ее на небольшой диванчик, стоящий в гостиной. То, что это Яшка, я ни секунды не сомневался – он любит такие эффектные выходки.

– Ой! Прям секрет Полишинеля. Ты не представляешь, князь, как ты всех уже здесь достал. О твоих похождениях кухарки да охранники анекдоты рассказывают. После аварии ты кардинально изменился, а это непонятно и непривычно. Все непонятное пугает, а вокруг твоей семьи, а главное вокруг денег твоей семьи, крутится достаточно много шакалов из РОВС, местной охранки и подобных им проходимцев. На тебя не стучит только ленивый, а я просто умею слушать. Кто на сына прачки внимание-то обращает? Я сопротивлялся, как мог, но Евгений мою обессиленную тушку к тебе все же перетащил, и теперь от меня толку чуть. Подождал бы немножечко, я бы сам нарисовался. Завербовать ни меня, ни мать еще не пытались, но думаю, у нас все еще впереди. Единственный плюс – я встречу Винзборга с Дашкой отследил. Он прямо в парк приперся и принимал доклад не только от твоей любовницы, но и от парочки охранников. Ну, а я его соответственно выпас и выяснил все, что возможно.

При этих словах Даша встрепенулась.

Пожалуй, насчет обморока я погорячился. Моя красавишна так время тянула и собирала дополнительную информацию. Ничего страшного. Сейчас я тебя огорчу до последней крайности.

– Не изображайте обморок, Даша. Мы уже давно поняли, что вы пришли в себя. Присаживайтесь к столу, но можете остаться и там. Просто не хотелось бы орать на весь дом, рассказывая мамочке нашего юного друга излишнюю для нее информацию.

Даша молча встала и так же молча села за стол.

Красивая все же деваха! Я прямо залюбовался. Жаль будет потерять такое приобретение.

– Так и есть, Дарья Никаноровна! Мы с молодым человеком знакомы уже достаточно давно, и так же давно я использую этого мальчика как своего ключевого информатора. Отношения у нас не только дружеские, а скорее даже приятельские, но это, пожалуй, и все, что вас касается напрямую. К нашим личным отношениям подобный пассаж никакого отношения не имеет, а помочь вам я с удовольствием помогу. Думаю, что вы не откажетесь стать независимой и со временем очень богатой женщиной? – небрежно и достаточно спокойно сказал я.

Сказал и сам начал прокручивать, как, не сильно ее подставляя, я смогу использовать девочку. Самому Дашу расспрашивать нельзя – сразу уйдет в глухую оборону, и дальше ее только пытать. С непредсказуемым результатом.

– Независимой от кого, князь? – Голос девушки звучал глухо и невыразительно.

– В первую очередь от барона фон Винзборга. Он уже давно зажился на белом свете. Пора ему на покой – я не сильно люблю, когда за мной беззастенчиво следят, используя для этого близких мне людей. Вы пока таковой остаетесь, но дальнейшее будет зависеть только от вашего поведения. Скажу сразу, что особого выбора у вас нет. Равно, как и времени на принятие решения. И либо вы с нами до конца, какой бы он ни был, либо с бароном на кладбище. Причем именно погоста я никому из вас не обещаю – море рядом и утопить труп не проблема, – говорил я специально жестко, не оставляя девушке ни единого шанса.

Такого она от меня не ожидала, и девчонка под моим взглядом просто сжалась от ужаса. Мне же крайне необходимо было сразу сломать Дашу, а уж детали Яшка из нее в приватном разговоре вытащит все без остатка. Опыт «деловых» переговоров девяностых годов конца двадцатого века не пропьешь, как ни старайся. К тому же у Яшки в той жизни было четыре дочки, жена и теща, и как в непринужденном доверительном разговоре выдаивать полезную информацию из «слабого» пола, он знает превосходно.

– Разумеется, до решения всех ваших проблем вы поживете у меня в доме, а пока пройдите в комнату к этому молодому человеку и расскажите ему обо всех своих проблемах. Не скрывайте ничего – считайте, что вы на исповеди. Молодой человек умеет слушать и вовремя молчать, а я умею решать чужие проблемы, какими бы они ни казались запущенными.

Глава 4

– Барон Герман фон Винзборг. Штабс-капитан Отдельного корпуса жандармов и один из руководителей Русского общевоинского союза во Франции. До семнадцатого года служил личным порученцем начальника Одесского жандармского управления. Чем занимался до двадцатого года, неизвестно, но в двадцатом эвакуировался вместе с войсками генерала Врангеля в Константинополь. Пятьдесят два года. Женат. Два сына и дочь. Семья живет в Париже. По характеру жесток, целеустремлен и крайне скуп. Ярый монархист. Место проживания в городе известно, – через сутки всем нам троим докладывал Яшка.

Даша безвылазно сидела в его комнате и слышать наш разговор не могла.

– Чем барон занимается непосредственно в РОВС, Дарья не знает, но Винзборга жутко боится и дико ненавидит. Винзборг совратил пятнадцатилетнюю Дашу, изнасиловал и сделал своей любовницей, а через восемь месяцев подложил ее под нужного человечка в полицейском департаменте французской столицы. Все до банального просто – семья Дарьи должна барону денег. Много. Вот он таким образом часть долгов бывшему полковнику Генерального штаба и скостил. Папаша не возражал – деньги были взяты на лечение младшей и самой любимой

дочери, а Дашу он прямо-таки пинками выставил на улицу, и той не оставалось ничего другого, как ложиться под того, на кого укажет Винзборг. Ну и под него тоже, разумеется.

Со временем барон сделал из малолетней любовницы очень умелый инструмент влияния на нужных ему людей, а затем добавил к ней еще несколько малолетних девиц благородного происхождения, но не слишком тяжелого поведения. Схема достаточно проста. Подкладывает под нужного человека, фотографирует, далее понятно. Причем деятельность Винзборга одной Францией не ограничивается – за несколько лет Даша объехала половину Европы. Чем занимаются остальные агентессы, она не знает, но по ее похождениям понятно, что барона в основном интересуют деньги. Большие деньги. Под тебя Дарья Никаноровна подложена с далеко идущими планами – Винзборг замахнулся на деньги твоих приятелей. Я сразу уточнил девочке, что если ты пообещал, что барона убьешь, то смерть его будет далека от идеала и переселение его на тот свет только вопрос очень короткого времени, так что у тебя есть преданнейшая до глубины души поклонница. Хотя как с тобой разговаривать, она теперь просто не представляет – после аварии ты разительно изменился, а после вчерашнего разговора она боится тебя даже больше, чем самого Винзборга. Оттого-то Даша все и выложила. Даже сумму долга папаши с все увеличивающимися процентами.

Барон – редкостная скотина и, похоже, нацелился на младшую сестренку Даши, несмотря на то что та действительно собралась замуж за сына полковника французской армии. Младшенькая дочурка выросла в настоящую русскую красавицу, и на нее у барона явно есть свои планы. Кроме того, по заданию барона Дарья стучит в полицейский департамент, где числится штатным секретным сотрудником и получает вполне официальные, хотя и очень небольшие деньги. Постольку-поскольку она вертится в кругу полусвета и в среде русской эмиграции, то информации сливает достаточно много. В том числе и о вас троих. Полицаям это не сильно интересно, но с паршивой овцы хоть шерсти клок, и ее держат скорее для «галочки». К тому же во время встреч с куратором она по-прежнему оказывает ему сексуальные услуги. Тем более что ее куратор вырос в должности и сейчас трудится начальником полиции города Марсель.

– А утопить эту красавишну не проще? За каким привычным всем овощем нам эти латиноамериканские страсти? Нет человека – нет проблемы. – Слава был как всегда категоричен.

– В общем, ты прав, но нам нужно надежное прикрытие. Вернее, не нам, а вот ему. – Я пальцем показал на Яшу. – Ты забыл, что здесь будет уже меньше чем через год? Так я напомню. Через год немцы оккупируют Францию. Ты помнишь, что гитлеровцы делают с евреями? Не напомнишь, для кого изначально создавали Дахау, Майданек, Заксенхаузен, Освенцим и прочие подобные дома отдыха? Причем Заксенхаузен и Дахау уже созданы и вовсю работают, перерабатывая евреев и коммунистов Германии, Австрии и Чехии со Словакией на удобрения. Как ты нашего малолетку одного отсюда отправишь? Отправлять их придется вдвоем с его теперешней матерью, но недвижимость будет оформляться не только на маму нашего друга, но и на Дашу – красивая женщина легко войдет в любое общество. Подобная красотка, полностью от нас зависящая, будет изумительной ширмой.

Основную базу придется делать в нейтральной стране, а их немного. Турция, Португалия, Испания, Швейцария, Швеция. Оптимальнее всего Португалия, Швеция, Швейцария или Великобритания – только в этих странах наш друг будет нам максимально полезен и не рискует оказаться в газовой камере или в расстрельной канаве. Даша в том числе легко поработает курьером – особенно если ее слегонца подогреть деньгами. Мы не сможем постоянно мотаться в нейтральные страны, а связь с нашим другом нам необходима бесперебойная.

После этих слов меня весьма бесцеремонно одернули.

– Саня! Прости, конечно же, а меня кто-нибудь спрашивать собирается? – Голос Яшки был полон сарказма.

– Собирается. И очень часто. Вот сейчас спрашиваю. Когда ты мне глушители на «наганы» сделаешь? Как ты это сделаешь, я не спрашиваю – меня это не колеблет. – Подобная пикировка – норма наших с Яковом Иосифовичем отношений. В той нашей жизни он всегда занимался техническим обеспечением всех наших операций.

– Глушители не проблема. Сделаю. Но на что ты их наворачивать собираешься? – включился Яшка, моментально поняв, что сейчас начинается обсуждение технических деталей предстоящей операции.

– На «наган» Винзборга. Я не думаю, что он ходит пустой. Ствол достать не сложно. Нам, по крайней мере. Охрана опять-таки наша с револьверами.

Отобрать парочку не проблема, но лучше все же купить десяток французских пистолетов у армейцев. У них как раз сейчас перевооружение на новые стволы. Только сделать это надо по-тихому. Засветиться никак нельзя. Кроме короткоствола, мне нужен «глушак» на винтовку. А если точнее, мне нужны два десятка винтовок «Ли Энфилд» с боеприпасами, оптикой и глушителями.

– Зачем? Ты что, воевать собрался? – Изумлению Славки не было предела.

– А ты нет? Тогда собирайся и уе… гуляй отсюда. Всех касается. – Подобные проблемы надо решать кардинально и сразу.

– Да ладно, командир! Что ты? Нам татарам все едино: что иметь подтаскивать, что отыметых оттаскивать. Кого отстреливать-то будем? – Славка сразу понял, что переиграл в беспечность.

– А что, некого? В правительстве Виши, которое появится в оккупированной Франции, все равно кого. Маннергейм явно зажился на белом свете. Уинстону Черчиллю явно не помешает третий глаз посредине лобешника. Канарис, Борман, Геринг, Гиммлер, Гудериан, Гальдер, Гитлер и прочая шайка-лейка. Там такое количество дерьма, что промахнуться невозможно. Пальцем ткни – мыться придется. В Германии, если поискать, мишеней наберется изрядно, но начнем мы с создания подпольной организации. – Я на несколько мгновений прервался.

Уже почти две недели я кручу этот план в голове. Наступает сладкая пора перераспределения материальных ценностей, и можно влегкую отщипнуть себе кусочек, по пути слегка изменив историю. В компании моих друзей и при их содействии можно и самим с голой ж… пятой точкой не остаться, и количество фашиствующих молодчиков перед Великой войной подсократить. Пока они расслаблены эйфорией от первых побед.

– А это еще зачем? Но ты, Саня, наглец! Гитлер – это цель! – восхищенно выдохнул Женька.

Для моего друга война это жизнь. Как бы дико это ни звучало. К тому же он любит не воевать, а… побеждать. Неважно кого, в каком времени или в каком-либо деле. Для Женьки важен сам процесс, а если цель понятна и известна, то и исполнение ее будет проведено не только с удовольствием, но и с известным только нам двоим шиком.

– Объясняю по порядку. Для того чтобы передать информацию представителям Советского Союза, нам необходима организация, борющаяся с фашистами. По информации объяснять? Новое вооружение и техника, общественно-политическая и военная информация, а главное все известные нам месторождения полезных ископаемых. Золото, алмазы, никель, алюминий, нефть, вольфрам, титан. Это все еще не открыто, а если и добывается, то в мизерных количествах. На сегодняшний момент нефть качают только в Баку и в Грозном, а о Волжско-Камском бассейне никто и слыхом не слыхивал. Про Сибирь и Оренбургскую область я и не говорю.

Под своими именами мы ничего передать не сможем. Во-первых, нам не поверят – титулованные дворяне, но поиметь попытаются, а во-вторых, сразу же сдадут или разменяют ради сиюминутной выгоды. Мы для пламенных большевиков кровные враги, и беречь нас никто не будет. С другой стороны – любая утечка информации, и нам яйца к ушам прикрутят, а мне подобный тюнинг ни в какое место не уперся. Меня в моих физических кондициях и раньше все устраивало, а с учетом недавнего апгрейда и подавно. В то же время любая революционная организация большевикам интересна. Вспомните недавнюю историю: СССР всегда поддерживало подобных отморозков, а сколько «бабла» всяким папуасам слили, вообще подсчитать невозможно.

Начиналась вся эта развлекаловка с Испании да с пролетариата Германии. Почему бы и нам к этому благородному делу не примазаться? Станем греческими борцами с каким-нибудь режимом или борцами за независимость Ирландии. Интересно, Ирландская Республиканская Армия уже есть, или нам ее создать придется? Парочка громких отстрелов местных фашиствующих либерастов, а после этого слив небольшого куска быстро проверяемой информации по природным ископаемым через советское посольство – чисто для затравки. С началом боевых действий во Франции еще несколько отстрелов и информации побольше. Затем отстрелы в Германии и максимальное количество технической и политической информации.

При этом все акции надо будет максимально освещать. Как? Я это придумаю позже. Только в этом случае на нас обратят внимание.

По отстрелам в Германии. Гитлера мы вряд ли достанем. Охраняют его хорошо, а мы не самоубийцы. Если только фугас слепить и где-то по ходу движения пристроить. А вот создателя СС и его ближайшее окружение прибить

необходимо еще до войны с Союзом. Сейчас они не сильно тихарятся. Опять же светятся постоянно, то на митингах, то на партийных съездах, то просто на балах и приемах. Сейчас побухать при большом стечении народа, по пути собрав все светские сплетни и пропиарив собственную тушку, норма поведения. А какая там может быть охрана, на этих светских приемах? Смех один. Помнится мне, Геринг подобными приемами грешил. Как цель он так себе, но может, еще кто на огонек подтянется.

Выбить парочку-троечку старинных друзей Алоизыча, глядишь, он или ковром подавится, или у него со страха перед наглами передоз случится. Но основа всех этих пострелушек это попытка столкнуть лбами Германию и Англию. Серьезно столкнуть. Без дураков. Надо крепко подумать, кого в этой сказочно-загадочной Наглии отстрелять, чтобы они смертельно обиделись на фрицев. Для этого нам в Германии и необходимы английские винтовки. Несколько стволов после отстрелов скинем, глядишь, чего и добьемся. Не все наглам подлянки по всему миру устраивать. Мы тоже кое-что умеем. При этом никому и в голову не придет, что организация, громко отстреливающая нацистских бонз и гитлеровских генералов, это всего три русских «мажора» и малолетний еврейский мальчишка. Все стре?лки мы будем стараться переводить на наглов – пусть попробуют доказать, что это не они.

Но основная задумка не в этом. Я вам сейчас скажу два названия: «Нахтигаль» и «Бранденбург-800». Как вы думаете, если англичане громко поздравят ребятишек с созданием их подразделений, они сильно обидятся? А если при этом эти же нагличане отстреляют командиров этих диверсионных подразделений, нацеленных на Советский Союз? А в процессе примутся за генералитет и партийных функционеров? – Я с усмешкой смотрел на приятелей.

– Погоди, Сань. Тогда нам нужны револьверы Энфилда – ими наглы поголовно вооружены. Но я за! За! За-а-а-а! Без меня все равно в Германии не обойдетесь. Как хочешь меня туда доставляй. Я на все согласна! – возбужденно заверещал Яшка.

В его семье Великая Отечественная вынесла почти всех родственников – жили они под Киевом, потом в Киеве и оказались вместе со всеми в Бабьем Яру. Выжили всего четверо. По странному стечению обстоятельств упрямая прабабушка Якова Иосифовича с двумя детьми прямо перед войной уехала к мужу в Подмосковье в Люберцы, куда того перевели техником в дивизию авиации дальнего действия. За золотые, в буквальном смысле этого слова, руки.

В этой семье это явление оказалось наследственным. Яков Иосифович отремонтировать может не только самолет, но и любое стреляющее железо, от старинной пищали до снайперской винтовки Драгунова, а если понадобится, то и белке в глаз засадит из любого оружия. Сейчас он просто трясся от возбуждения. Наверняка представляет в прицеле знакомую всему миру усатую физию – Яша отличный снайпер, что он неоднократно доказал в Афганистане.

– Тогда будешь моей любимой женой! – хмыкнул я, а Славка с Женькой дружно заржали.

Вот за что я их и люблю – ни тени сомнения. Любую мою безумную идею в жизнь воплотят и разовьют так, что всем окружающим небо с овчинку покажется.

– Действительно, Саш! С «любимой женой» все понятно – придумаешь что-нибудь. А мы как в Германию попадем? – отсмеявшись, спросил Женька.

– Голову включай. Сейчас быстренько метнемся на самолете, а после оккупации Франции, я думаю, без проблем доберемся на поезде. Я попробую приглашение выцыганить.

– Хренов тебе, как дров, Саня. В Германию полечу я. Во-первых, я пока скакать не смогу и на ликвидациях могу только на шухере постоять, а во-вторых, я наполовину немец и родственников и знакомых у меня в Германии как грязи. Даже в Берлине имеются. Все же я барон по отцу. – Славка приосанился.

– Хорошая идея. Но полетишь ты с Дашей. И как можно быстрее. Времени почти не осталось – в сентябре Франция объявит Германии войну. – Я уже крутил в голове очередную комбинацию.

– Это еще зачем? Но сразу уговорил. Говорят, что она очень хороша ночами. Да и днем тоже можно попробовать. И утром. И вместо обеда с ужином. – Славка откровенно надсмехался надо мной.

– Даже не думай – своим я делиться не люблю, а сейчас Даша моя. Тебе она нужна именно как красивая барышня. Назовешь ее сестрой друга или кузиной, потом придумаем кем, и будешь с нее пылинки сдувать. Создадим Дарье легенду о благородном происхождении и дикой ненависти к большевикам. Тем

более что особенно создавать нечего – она дворянка и любви к Советскому Союзу не испытывает. Просто немного сместишь акценты.

Как ты думаешь, на такую красивую деваху кто-нибудь из высокопоставленных немецких офицеров клюнет? Пусть флиртует направо и налево и максимально знакомится. В процессе потратишь на Дарью Никаноровну немного денег и обновишь ей гардероб по последней германской моде. То есть полностью сменишь девочке имидж. К тому же ее все равно на время уничтожения Винзборга надо убирать из города. Протянешь к ней руки, я позволю ей тебя подстрелить – ствол у Даши всегда под руками. Убить не убьет – у нее французская хлопушка под браунинговский патрон, но незабываемые удовольствия обеспечены. Похромаешь на обе ноги. Тебе для полного счастья к твоим двум осколкам еще пули калибра 6,35 не хватает.

* * *

Славка с Дашей улетели через четыре дня. Последний инструктаж я проводил им обоим, так что понимание текущего момента было полное. Дашу после недолгих обсуждений мы решили пока использовать втемную, не посвящая ее в детали наших диверсионных операций. Это было совершенно ни к чему, а вот то, что мы убираем ее на время ликвидации барона фон Винзборга, девочка моментально оценила.

Разумеется, все эти дни она безвылазно сидела у меня в доме. Заодно в одну из ночей мы пришли к полному взаимопониманию, и я рассказал Даше, что в самое ближайшее время собираюсь вместе с ней немного пожить в Германии – якобы собрался поступать в Берлинский университет.

Идею поездки в Берлин, а тем более с посторонним ей человеком она приняла достаточно холодно, посчитав, что я, таким образом, подкладываю ее под своего приятеля, но я быстро развеял ее гнусные подозрения, сказав, что она едет в том числе и на разведку окрестностей. Жить-то мы где-то в Берлине должны?

Заодно сказал Даше, чтобы пару раз проговорилась, что в следующий раз она приедет с сестренкой. Должен же я как-то доставить в Берлин «свою любимую жену». Яшка с меня живого не слезет – он уже списки на уничтожение составляет. А как мне еврея через границу протащить? Вот и будет подружкой невесты, едущей к жениху.

Славка Дарье жениха в Берлине обязательно найдет. С витыми погонами и толстым кошельком, а то и не одного. А витым концом, обмотанным вокруг его собственной толстой шеи, мы любого жениха обеспечим, не сильно задумываясь о последствиях.

Заодно Дарья Никаноровна вломила по полной программе своего насильника. Знает она о бароне фон Винзборге действительно очень много, и не только о нем, но и обо всем его окружении и всех без исключения его подручных. Так что я теперь располагаю самой полной информацией обо всех объектах ликвидаций. Ну, разумеется, я не только Винзборга прибью, но и всех его помощников. Зачем мне два раза бегать?

* * *

– В Париже он! В Париже! Я говорю правду! Господи! Ну почему вы мне не верите? А-а-а-у-у-у-у! – Истерический визг прервался рыданиями.

Ну, наконец-то последний рыдает. Шестой по счету. И уже четвертый обмочился. Всю кухню изгваздали. Просто из кухни вход в подсобку, а дальше в подвал, где все остальные белые офицеры от телесных упражнений отдыхают – таскать эти туши проще. Правда, они уже не белые, а желтые, а некоторые, как ротмистр Беляев, коричневые.

Ну, почему же не верим? Верим, но проверяем. Мы с Женькой не господа из Отдельного корпуса жандармов и не деникинская контрразведка с раскаленными щипцами и побоями. Мы ребята простые, но изобретательные. Да и опыт у нас несколько иной. И знания. В контрразведке о болевых точках и нервных окончаниях даже не подозревали, а тут ткнул иголочкой в нужную тебе точку, и бывший деникинский контрразведчик от неожиданности навалил в штаны.

Целый ротмистр, а обгадился, как младенец, и теперь бывшие белые офицеры всей толпой в подвале запахами ротмистра отдельного корпуса жандармов наслаждаются. Вот такое простенькое начало обычного полевого допроса с предварительной психологической накачкой.

Мы Беляева вначале даже ни о чем не спрашивали. Ротмистр до допроса выглядел очень мужественно – брыкался, как молодая лошадь, надувал щеки, топорщил густые, красиво загнутые кверху усы. А через двадцать минут его притащили полностью деморализованного, трясущегося, скулящего через изжеванный кляп и с полными штанами. И при этом без каких-либо видимых внешних повреждений, только усы у бывшего бравого офицера от соплей обвисли. Какого угодно сокамерника такая видуха до тихой истерики доведет.

Ну и понятно, ходят по большим и малым нуждам благородные господа прямо в штаны и тут же в подвале. А как же иначе? Руки-то связаны. Ничего личного. Подобный прием ломает неподготовленных людей значительно быстрее зверских пыток. Особенно лиц дворянского происхождения.

Конечно же эти некогда благородные господа прошли революцию, гражданскую войну, а некоторые и окопную грязь Первой мировой, но их психологическая подготовка оставляет желать лучшего. Слишком много времени прошло от тех событий, и мирная жизнь расслабила боевых и жандармских офицеров. Это к крови привыкнуть можно, особенно к чужой крови, а вот резкий переход от благополучной жизни, чистой одежды и уверенности в завтрашнем дне к грязи, дерьму и полной неизвестности ломает таких людей на раз.

Расположились мы для этих самых вдумчивых бесед с помощниками Винзборга в небольшом особнячке, находящемся в дивной деревушке Кап-д’Ай. В наше время это райское местечко на Лазурном берегу, принимающее десятки тысяч туристов в год. К примеру, я там домик купить себе не смог.

Сейчас это непростая рыбацкая деревушка в полутора десятках километров от Ниццы. В том смысле, что рыбаки на краю деревни тоже проживают, но в основном местечко застроено домами не очень бедных господ из разных стран. В том числе и бывших соотечественников, господ из Русского общевоинского союза.

Особнячок, принадлежащий этой организации, находится на некотором удалении от крайних домов, и соответственно условия для допросов здесь шикарнейшие. Это у шайки барона фон Винзборга, так сказать, оперативная база за городом – в этом домике проживает основная группа боевиков. Сам барон обитает в городе, а боевых соратников отправил на выселки. Соратников к ногтю мы с Женькой прижали, а вот барон оказался в отъезде. Решил напоследок семью навестить. Перед своей очень непростой смертью. Ждем-с.

Должо?н сегодня быть.

Ну, а чтобы не терять даром времени, мы пообщались с подручными барона. Или подельниками? Нет, все же с подельниками. А как же иначе? Грабежи, убийства, изнасилования, шантаж – полный набор борцов за светлое будущее России. РОВС это вам не дедушка Ленин с пламенными революционерами – на попечении у немецкой разведки не состоят. Если только отдельные представители и по мелочам. Приходится самим крутиться, чтобы таксистами и халдеями в кабаках не подрабатывать.

Впрочем, поручик Вяземский именно таксистом и подрабатывал. И именно он поделился с нами первым офицерским «наганом», машиной и ста двадцатью франками. Машина оказалась очень кстати. Не на своем же автомобиле идти на банальный грабеж с жесточайшим массовым убийством? А знакомое такси в деревушке удивления не вызвало. Стоит машинка у дома на окраине деревни и стоит. Значит, хозяин решил пару дней не работать. Русские! Что с них взять?

Зря местные рыбачки на Вяземского наговаривали – очень стойким мужиком оказался. Целых полтора часа продержался – мы его не ломали, а применяли некоторые китайские и кубинские методики по общению с такими упертыми собеседниками. Благо время было. Потом, конечно же, поручик заговорил, а через пяток минут заговорил честно. Просто я перечислил некоторые сцены группового секса с участием его тринадцатилетней дочери, которые вполне могут произойти на его глазах, если он не перестанет гнать нам пургу.

В этом времени до таких извращений пока не додумались, так что поручик был с нами максимально откровенен. Он-то нам и сдал арсенал, архив и, так сказать, кассу взаимопомощи, хранящиеся здесь же в доме, так как был личным помощником Винзборга.

Сам бы я никогда в жизни не нашел потайную полуподвальную комнату, вход в которую был искусно замаскирован массивным комодом, казалось, стоящим в углу гостиной уже несколько десятилетий. Тайник оказался серьезным – у него был выход в стоящий чуть в отдалении сарай.

Понятно, что я его девочку и пальцем не трону, но поручик-то этого не знает. Вяземский как раз на такое способен, разве что только фантазией не богат – то-то он нам архив сдавать не хотел. Там такие фотографии с пояснениями, в том

числе и с Дашей, что я многократно пожалел, что пообещал господина поручика пристрелить без особенных затей.

Вообще-то Вяземский порадовал. Архив – несколько десятков папок с фотографиями и пояснениями по каждому агенту и его, а в основном ее, подробнейшим досье, включая все проведенные агентом операции. Дополнительно несколько фотоальбомов с порнухой. На фотографиях весьма состоятельные отцы семейства – видные политические деятели, воротилы бизнеса, крупные промышленники и военные и полицейские чины.

Духовенство представлено скудно, но оно во Франции особого влияния на политическую жизнь не оказывает. Бывает, что оказывает, но эти представители духовенства на дам внимания не обращают и посему в досье к фон Винзборгу не попали.

Есть на фотографиях и князюшко со Степаном. В смысле мы с Женькой в обществе Дарьи и еще одной подружки. Как оказалось, тоже очень хорошей знакомой профессионального развратника. Прекрасно – будет с чего разговор с бароном начинать.

Арсенал в принципе не сильно поразил, но на первое время сойдет. Десятка два «наганов», пара армейских «вальтеров», четыре революционных «маузера К96». Но в основном «французы». «MAB D» под патрон 7,65 – они в основном у полицаев на вооружении, шесть штук, и армейские девятимиллиметровые – двенадцать штук. Есть и «MAB B» – Дашка с таким ходит. Пистолетик маленький – скрытого ношения. Шесть патронов в магазине, калибр 6,35.

Свеженьких французских пистолетов «SACM Modele 1935» только четыре штуки, но вот пользоваться именно ими я бы поостерегся. Как бы их с трупов не сняли. С «белой косточки» станется, покупать они точно ничего не будут. Небось, зарезали припозднившихся офицериков и разжились новыми игрушками – больно патронов мало к этим стволам.

Автоматы представлены немецкими «MP-28», но нам они на ухо не вперлись. Заберем, конечно, чтобы добро не пропадало. Винтовки в основном «трехлинейки» да французские «MAS-36». Вот эти «дрова» нам точно не нужны – это оставим на месте для организации подлянки. Порадовал лишь древний «льюис» да пара «максимов». «Льюис» с собой заберем, «максимы» здесь

оставим – больно тяжелы эти железки.

Казна банды тоже не сильно порадовала. Франки, лиры, доллары, фунты стерлингов – всего понемногу. Ну и золото, разумеется. Тоже не сильно много. Долговые бумаги, расписки. Я особо не рассматривал – скинул в саквояж вместе с досье. Дома разгребу.

Пока я перетряхивал содержимое потайной комнаты, Женька с Яшкой доили «белую косточку» на предмет, где что в городе хорошо лежит, но плохо охраняется.

Помнится мне, в самом начале девяностых мы с этого начали наш подъем в высоты российского бизнеса. Были в нескольких российских городах беспредельные бригады, уже достаточно пограбившие, но пока не научившиеся прятать награбленное. Были, да сплыли. Мы им, правда, слегонца помогли переселиться на тот свет, но оперативники уголовного розыска были нам только благодарны.

Вот и здесь нам нужны свободные финансы, а где их взять, мы пока не знаем. Надо же нам на что-то жить в Германии? Мы же все-таки благородные люди и экономить на себе не привыкли.

* * *

Надо сказать, что Винзборга мы чуть было не упустили. Я ожидал, что, не найдя Вяземского, он приедет из города на наемном такси, но барон приехал на неизвестном нам «мерседесе» с двумя спутниками и пленником. Дергающегося пленника, не особенно скрываясь, вытащили из багажника машины, ввалили ему по печени, отчего мужик перестал сопротивляться и, подхватив под руки, втянули в калитку.

Подготовиться к встрече мы не успели – подручные уже тащили пленника по двору, а Винзборг все еще топтался у машины. Что значит жандармская выучка! Видимо, отсутствие света в доме и холодный двигатель на машине Вяземского насторожили штабс-капитана.

Выручил всех нас Яшка. Если честно, я и не заметил, как этот малолетний гаденыш выскользнул из дома. Неожиданно мелькнула стремительная тень, раздался удивленный возглас барона, и восьмидесятикилограммовая туша, гремя костями, улеглась у колес «мерседеса». Подручные Винзборга сбросили пленника прямо на дорожку и синхронно сунули правые руки во внутренние карманы.

Это, пожалуй, и все, что они успели сделать. Я вытек из-за угла небольшой сараюшки, за которой прятался. Короткий удар правому за ухо и тут же левому по горлу. Правому, правда, пришлось добавить – уж больно здоровый оказался, но живые мне были больше не нужны, и здоровяк отъехал на тот свет следом за приятелем несколькими мгновениями позже.

В несколько шагов я дошел до Винзборга. Ну, точно он, но на фотографии, что нам предоставила Даша, барон немного моложе. Чем же Яшка его так отоварил? Ответ пришел вместе с язвительной фразой моего друга.

– Совсем ты мышей не ловишь, командир. Таксист из тебя никакой – «если бы чукча дверь не открыл, бабка бы ушел». Двоих завалить не смог. Стареешь. – На ладони Яшка подкидывал и ловил небольшую гайку, залитую свинцом. Тоненькая цепочка соединяла гайку с Яшкиной кистью.

Кистень – самое любимое Яшкой холодное оружие. В той жизни в его коллекции было порядка сорока кистеней самых разнообразных форм и размеров, а из-за трех из них мы с Женькой отмазывали Яшку от уголовных дел.

– Да ладно тебе. Тельце у меня больно нетренированное, а память прежняя, вот и пришлось добивать. Но все равно уел – чуть этот стойкий деревянный солдатик нам всю малину не обгадил. – В это время подтянулся Женька, и мы с ним принялись кантовать тушки, а Яшка взялся обыскивать так удачно подогнанный нам пепелац.

Угнездились мы на первом этаже в гостиной. Все еще находящегося без сознания барона без особого почтения свалили на пол, пленника привязали к креслу в одной из спален. На удивление выглядел он вполне прилично и уже активизировался – возмущенно пыхтел, мычал и удивленно посверкивал гла?зками. То, что власть сменилась, он понял как-то быстро.

Одет пленник был, как буржуа среднего достатка, коих просто немерено в городах и местечках практически любой страны Европы. В принципе, мне он не был нужен, разве что появился случайный свидетель, но я все равно собирался обставлять это нападение, так что можно было бы воткнуть его в построенную мною схему. Живой свидетель разборок между русскими эмигрантами вполне может пригодиться.

Мы не боялись, что нас узнают. Так сказать, во избежание, Яшка быстренько заказал у знакомой портнихи просторные матросские штаны, парусиновые куртки и некое подобие омоновских масок. Вполне приличная одежка. Немного непривычная из-за материала, но как одноразовый вариант вполне. Тем более что мы заказали несколько таких комплектов, но уже с нашими дополнениями.

Усадив барона на стул с высокой спинкой, мы привязали его ноги к ножкам, а руки, заведя назад, стянули веревкой за спинкой. Получилось так, что барон обнял спинку стула сзади. В общем, ничего страшного, если не знать, что такая поза комфортна только в первые несколько минут, а потом в заведенных подобным образом суставах рук постепенно нарастает боль, медленно, но неотвратимо сводящая пленника с ума.

Подготовив, таким образом, Винзборга к душещипательной беседе, Женька без особых церемоний облил его ведром воды. Не комфортно. А что делать? Это тоже элемент психологической обработки. Перед допросом Винзборга раздели догола, что также не способствует душевному равновесию. Увидев, что барон пришел в себя, Женька вынул у него кляп и тут же заехал ему по печени.

– Попробуете повысить голос, будете получать так каждый раз. Попробуете играть в большевика на допросе в контрразведке, вам будет очень больно, господин штабс-капитан, – тут же прокомментировал я.

– Кто вы? – ошеломленно прохрипел барон.

– Ах да! Совсем забыл назвать себя. Простите ради бога. Видимо, старею, – деланно усмехнулся я, приподнимая маску.

– Мы с вами знакомы только заочно, но, тем не менее, достаточно близки. Достаточно часто одна женщина сближает двух мужчин, но в нашем случае для вас это скорее минус, чем плюс. За Дарью Никаноровну я порежу вас на

маленькие кусочки. Говорят, вы любите кавказский шашлык. Вот и попробуете шашлык из собственной задницы. А пока позвольте представиться. Князь Александр Сан-До-намито. Странноватое имя для потомка обыкновенного русского ремесленника. Вы не находите? – При этих словах я издевательски поклонился.

– Князь? – только и смог выдавить из себя Винзборг, потрясенно глядя на меня.

– Чему вы так удивлены, барон? Тому, что разрабатываемый вами объект шантажа, а позднее и грабежа, имеет зубы? Или тому, что вы не смогли меня вычислить? Так это пока никому не удалось сделать. Вы первый начали вести себя недостойно дворянина, и это с моей стороны не более как ответный ход. Собственно говоря, у меня к вам всего два вопроса. Ответите на них, умрете быстро. Не ответите – все равно умрете, но крайне мерзко и очень болезненно. Итак, первый вопрос. Где вы храните свой личный архив? – Не сильно мне были нужны ответы, но, может, барон еще в чем-то проговорится.

– Иди к черту, щенок, – прямо-таки выплюнул Винзборг.

– Грубо, барон. Грубо и с вашей стороны неумно. Мне ответы-то не нужны. Не хотите отвечать – не надо. Я знаю ответы на свои вопросы. Мне неизвестно только одно. Ваш тайник в магазине на Елисейских полях или у вокзала Монпарнас? Как вы думаете, если оба ваших магазина сгорят, на что будет жить ваша семья? – Тут я мило улыбнулся, а Женька опять заехал уже набравшему воздух барону по печени.

– Ничего личного, господин барон, – исключительно профилактически. Вас же предупреждали, что за крики вас будут наказывать. У нас интеллигентная беседа, а вы все портите. Чтобы вы не обольщались по поводу своего будущего, сразу же второй вопрос. Кого конкретно вам сдал Жером Маршан? Вы можете и на этот вопрос не ответить, но в этом случае у такой организации, как РОВС, во Франции в самое ближайшее время наступят очень тяжелые времена.

Нынешней ночью бывший штабс-капитан Отдельного корпуса жандармов и один из руководителей Русского общевоинского союза во Франции барон Герман фон Винзборг, его личный порученец поручик Вяземский и ротмистр Беляев расстреляют из пулемета «максим» полицейское управление города Ницца и зверски замучают начальника полиции города Марсель. Того самого Жерома

Маршана. Кстати, замучаете, а затем и повесите вы его в этом милом особнячке, но при расстреле полицейского управления вы, к нашему глубочайшему сожалению, геройски погибнете, что при наличии у вас троих документов даст полиции возможность проверить все места вашего проживания. Как вы понимаете, полиция обнаружит здесь очень много интересного. В том числе и вашу связь с РОВС.

Единственное, что эта организация будет вынуждена сделать, чтобы не уходить в подполье, так это отречься от вас, ваших помощников и вашей семьи. Ну и, разумеется, все ваши знакомые во избежание, так сказать, подозрений перестанут ходить в ваш ресторанчик, за которым приглядывает ваша прелестная кузина. Ведь даже ваша очаровательная супруга не в курсе, что это ваш ресторан. Не правда ли? – Вот что значит хорошо подготовленный допрос.

Но это только прелюдия, чтобы ошеломить Винзборга и не дать ему возможности долго раздумывать, что конкретно я знаю. Он все расскажет. Не мне, а Женьке. Все до самого незначительного фактика, но находиться рядом с ним при этом неподготовленному человеку я бы не рекомендовал.

– Откуда вы все знаете, князь? – потрясенно выдохнул Винзборг.

– Ничего сложного, господин барон. Мы уже почти сутки общаемся с вашими подручными и вашим заместителем. Вы знаете, барон, мы пообещали поручику Вяземскому, что не тронем его семью, а в особенности его очаровательную дочурку, и он поверил мне на слово. Теперь я знаю все, что знал Вяземский и еще некоторые ваши подчиненные.

Так уж получилось, что мы совершенно случайно взяли вас и ваших подельников живыми, но это легко исправить. Знаете, был такой русский писатель Иван Сергеевич Тургенев. Он написал прямо-таки бессмертное произведение, и если лично вы будете благоразумны, то вас и ваших друзей с непередаваемым удовольствием дождется неотвратимый и беспощадный баркас глухонемого Герасима. Благо совсем недалеко находится рыбацкая деревня, и найти подобный баркас за весьма незначительную сумму не проблема. Единственное плохо. К моему глубокому сожалению, мы не сможем вам найти самого Герасима, но постараемся соответствовать моменту – помолчим, поплачем и даже помычим. В противном случае произойдет то, что я пообещал вам в самом начале нашего разговора. Так что выбор только за вами. – Я постарался, чтобы в моем голосе прозвучала издевка.

– Вы дьявол, князь, – обреченно пробормотал штабс-капитан.

Тут мое внимание привлек Яшкин возглас.

– Ни хрена себе! Ты только посмотри! – Яшка протянул мне паспорт. Открыв книжечку, я удивленно протянул.

– Ё-о! А вы оригинал, барон! Только очень недальновидный человек, то есть конченый кретин, может захватить в дружественной ему стране дипломатического сотрудника другого государства и таскаться с ним в обнимку по этой самой стране. Захватили большевика, так убейте его, и вся недолга. Зачем так подставляться? Впрочем, этот вопрос риторический. Господин Барбьер, займитесь, пожалуйста, господином бароном и получите ответы на мои вопросы. Не будет отвечать, мучительно убейте.

Но в этом случае, барон, наш визит к вашей жене и к очаровательной Марии Витольдовне только вопрос очень недолгого времени. Знающие люди говорят, что рестораны горят много лучше магазинов. Мы, правда, на практике пока не проверяли, но у нас еще есть время, а вот у вас этого времени уже значительно меньше. Я не прощаюсь, господин барон.

– Яша! Пойдем, поговорим с господином большевиком перед его скоропостижной, но неминуемой смертью. – Оставлять барона в живых я не собирался, но показывать ему дружеское участие к представителю большевистской России было очень недальновидно.

Мы с Яшей зашли в соседнюю комнату, и мой шустрый друг тут же снял с нашего пленника кляп. На удивление, пленник молча разглядывал нас, хотя было видно, что заорать во весь голос ему очень хочется.

– Заметьте, мой молодой друг, – обратился я к Яшке, – наш гость значительно умней всех белогвардейских офицеров, вместе взятых. И какая выдержка!

– Так ничего удивительного, – усмехаясь, ответил тот, – все же представитель всесильного Лаврентия Павловича, а он умеет подбирать кадры. Впрочем, это может быть и иностранный отдел НКВД. Уж не знаю, кто у них сейчас руководит этой мутной конторой. После чисток тридцать седьмого года там осталось

крайне мало грамотных профессионалов.

– Что же что мне с вами делать? Кислицын Андрей Васильевич. Вы поломали мне все планы, – задумчиво сказал я, крутя в руках дипломатический паспорт сидящего передо мной человека.

– Может быть, просто отпустить? – в тон Яшке ответил Кислицын.

Силен мужик! Я сразу зауважал советского разведчика.

– Можно и отпустить. Вот только я пока не понимаю, куда. В воду вместе с представителями РОВС или просто на улице выкинуть, предварительно приласкав по голове топориком и вычистив карманы.

– А может, не надо? – так же в тон ответил советский разведчик.

– Простите. А вам самим удобно в этих мешках на головах? Может, снимете? – Казалось, что мой собеседник совершенно не боится происходящего.

– Если мы снимем эти, как вы выразились, мешки, то нам придется вас убить, а мой друг этого пока не решил, – включился Яшка.

– Это отчего же? – безмятежно спросил Кислицын.

– Дело в том, что мы – боевая группа организации под названием «Свободная Ирландия». В вашей организации подобные люди называются «оперативные сотрудники», и наши лица не должен видеть никто. Даже в руководстве нашей организации большинство и не подозревает о нашем существовании, – продолжил я разговор, с ходу придумав эту самую «Свободную Ирландию». Пусть проверяют да голову поломают, откуда она взялась на ровном месте.

– И этот мальчик тоже? – удивленно спросил Кислицын.

– Этот мальчик просто изумительно стреляет на расстояния от трехсот до шестисот метров, сможет сделать бомбу из подручных материалов, продающихся в любой аптеке, выследить самого осторожного человека и голыми руками завалить стокилограммового противника. Его учат этому с

самого рождения. Впрочем, как и любого из нас, – немного приукрасил я.

Яшка умеет еще и не такое, но это в данном случае неважно.

– Впечатляет. Но вам не кажется, что вы преувеличиваете? – перешел на английский энкавэдэшник.

– Скорее преуменьшаю. Именно он выследил Винзборга, вскрыл всех его помощников и обнаружил этот дом. Кстати, взял барона фон Винзборга живым тоже он, – в тон ответил я поанглийски.

– И да. Вы правы. Мы русские. Но для вас это скорее плюс, нежели минус, – я опять перешел на русский.

– В чем же? – безмятежно спросил Кислицын.

– Дело в том, что наша организация собиралась предоставить вашей стране достаточно большой пакет стратегической информации. Платной, разумеется. Для того чтобы бороться за свою независимость, требуется очень много денег. Ирландская Республиканская Армия сейчас крайне нуждается в пополнении своих счетов. Ей едва хватает денег на оплату боевым группам, в том числе и таким, как наша. Информацию давно предоставили бы, но мы не можем сделать это через ваши посольства. – Я постарался выглядеть серьезно-озабоченным – этаким не слишком умным клерком.

Несколько дней, проведенных за подшивками газет стран Европы в публичной библиотеке, не прошли для меня даром. Ирландская Республиканская Армия сейчас уже существует. Ну, а «Свободная Ирландия» пусть существует только на слуху. Местной прессе мы тоже подкинем небольшой кусочек дезинформации.

– И что же это за информация? – на испанский язык Кислицын перешел легко и непринужденно.

– К примеру, точные координаты месторождений природных ископаемых на территории бывшей Российской империи. Нефть, золото, алмазы, платина, алюминий, титан, вольфрам и прочее, – так же по-испански ответил я.

– Кроме того, мы готовы предоставить образцы вооружения и техники, не используемой нигде в мире. К примеру, очень дешевые и технологичные в производстве пистолеты-пулеметы под существующий в стране патрон. Производство данных пистолетов-пулеметов возможно наладить даже в кустарных условиях – детали сплошная штамповка. Крупнокалиберные пулеметы и мелкокалиберные пушки очень высокой скорострельности и точности. Крайне эффективные противопехотные и противотанковые мины, новую взрывчатку и многое другое.

– Вы понимаете, что сейчас сказали? Нефть и золото мы добываем и сейчас, а алмазов в нашей стране нет, – возмущенный Кислицын перешел на русский язык.

– Золота вы можете добывать в десятки раз больше. Алмазы есть на севере страны в огромном количестве, а нефти и алюминия в вашей стране столько, что вы можете экспортировать их по всему миру, без какого-либо ущерба для промышленности своей страны. На данном этапе можно было бы предложить точный срок объявления войны Германии Великобританией и Францией. – Я тоже перешел на русский.

– Это ложь, – возмущенно воскликнул Кислицын.

Тут опять очень вовремя включился Яшка.

– Мы предоставим вам чертежи промышленной установки для прямогонного бензина. Так называемый каталитический риформинг позволит вам получать в два раза больше высокооктанового топлива, чем вы получаете сейчас. Также мы передадим вам чертежи установки для получения бензина и дизельного топлива из мазута. Полные схемы и чертежи с теоретическими обоснованиями. Постройка подобных промышленных установок позволит вашей стране полностью закрыть все проблемы с недостатком любого топлива. От дизеля до бензина любого октанового числа, в том числе и для авиастроения. Командир! Я пока зарисую предложения, а вы пообщайтесь.

Я кивнул головой и продолжил:

– Для проверки мы дадим координаты нескольких месторождений бесплатно, но если ваше правительство захочет сэкономить миллионы рублей, а главное годы

на геологоразведке стратегических запасов природных ископаемых своей страны, заплатить нам все же придется. Великобритания и Франция объявят войну Германии в первых числах сентября. Как видите, времени осталось не так уж и много, но я скажу больше. Договор о ненападении между Советским Союзом и Германией даст вашей стране только кратковременную отсрочку. Напрасно вы пытаетесь договориться с немцами – с подготовившейся к броску коброй не договариваются, ее уничтожают. Правда, ваша страна пока не готова к войне с Германией, а вот Германия готовится захватить Польшу уже в начале сентября. Впрочем, это будет одним из условий договора с Советской Россией.

– Откуда вы знаете об этом договоре? – Голос советского разведчика прервался.

– Не тупите, Кислицын. У нас нет выхода на разведку вашей страны. Мы вообще никогда не были в Советском Союзе. Откуда мы можем знать о договоре? Германия готова подписать этот договор, но для них это только необходимая им отсрочка для полного перевода своей страны на военные рельсы и перепрофилирования захваченных военных заводов в Чехии, Австрии и несколько позднее Польши под стандарты своей армии. Более того, уже сейчас генеральным штабом вермахта разрабатываются планы по захвату Люксембурга, Голландии, Бельгии, Дании и Норвегии. И последнее. Мы можем предоставить вам информацию об оружии огромной разрушительной мощности. К сожалению, пока только общие сведения. Созданием этого оружия в обстановке строжайшей секретности занимаются немцы, англичане и американцы. Характеристики оружия таковы – одной бомбой вполне возможно разрушить такие города, как Лондон, Берлин, Нью-Йорк или Москва с полным уничтожением всех жителей города. Город будет разрушен полностью вместе с пригородами. Все деревянные строения, перекрытия и даже деревья сгорят. Мощность одного-единственного взрыва такова, что в эпицентре будут плавиться гранитные плиты. Бо?льшая часть жителей мгновенно погибнут, а остальные получат страшные термические ожоги, от которых будут умирать еще несколько месяцев. Причем находиться на территории, попавшей под воздействие этого оружия, долгие годы будет смертельно опасно не только для человека, но и для всего живого.

Глава 5

– Ви сами верите в то, что говорите? – Один из самых могущественных людей на этой планете, потрясенно сжимая трубку, пронзительно разглядывал ликвидатора иностранного отдела НКВД.

– Да, товарищ Сталин. Эти люди не шутили и не давали ложной информации. Вполне возможно, они просто не знали полной информации о некоторых вещах, но они не блефовали. Слишком уверенно и согласованно все это говорилось. Ложь я бы почувствовал. К тому же они освободили меня совершенно случайно и не готовились к разговору именно со мной, но явно готовы были передать информацию представителю нашей страны. После нашего разговора меня провели по дому. В соседней комнате привязанный к стулу сидел бывший штабс-капитан Отдельного корпуса жандармов барон фон Винзборг. На его ликвидацию посылали нашу группу. Ярый враг советской власти. Именно он со своими людьми захватил меня и убил сопровождающих меня сотрудников. Винзборг был раздет догола, и… я не знаю, как это объяснить… был готов говорить все, что угодно, лишь бы человек, находящийся с ним в комнате, более не пытал его. Но дело в том, что на теле барона не было ни следов побоев, ни вообще каких-либо повреждений. В то же время Винзборг дико выл от боли, пока я разговаривал с командиром этой необычной группы. Вой был слышен даже через плотно закрытые двери. Такое невозможно подделать – человек действительно выл, как дикий зверь, от убивающей его сознание боли.

В таком же состоянии находились и все остальные члены РОВС, находящиеся в подвале этого дома. Ни у кого из них не было ни единого кровоподтека, но увидев заходящего в подвал сопровождающего меня человека, все они забились в углы подвала, как побитые собаки. Я даже не подозревал, что такое возможно. Меня сложно напугать, но это выглядело просто жутко. При этом людей, общающихся со мной, было всего трое. Самому младшему, судя по голосу и телосложению, не более пятнадцати лет. Именно он составлял список предложений организации «Свободная Ирландия». Записку он написал не более чем за тридцать минут и писал ее самостоятельно. Еще более двух часов он, находясь со мной в одной комнате, рисовал все схемы и делал чертежи промышленных установок. Я не понимаю, как такое может быть – его знания просто поразительны. Командиру группы не более двадцати пяти лет. Свободно говорит на пяти языках. Палач в таком же возрасте и… они действовали, как хорошо отлаженный единый механизм. Мне показалось, что все трое понимают друг друга с полувзгляда – за все время нашего общения ими не было произнесено ни единого лишнего звука. Такое взаимодействие достигается долгими месяцами тренировок и, вероятнее всего, годами совместной жизни, но лично мне неизвестна методика подобной подготовки.

После демонстрации своих возможностей мальчишка сфотографировал меня, а командир группы объяснил, что в дальнейшем их связные будут контактировать только со мной либо с людьми, которые придут вместе со мной. Мне было объяснено, что это делается ими, чтобы меня не расстреляли как французского шпиона, а их связные теперь знают меня в лицо. При этом мальчик сказал, что люди, которые придут на встречу со мной, это обыкновенные «почтовые голуби», не знающие не только их самих, но и того, что они нам принесут, и захватывать их бессмысленно.

Они высадили меня в Марселе недалеко от порта, а сами просто уехали на машине фон Винзборга. Я вышел на связника, а пока ждал эксфильтрации, все газеты Франции опубликовали две новости. В ночь на двадцать девятое марта мая сего года группа, состоящая из барона фон Винзборга, ротмистра Беляева и подпоручика Вяземского, расстреляла из пулемета «максим» здание полицейского управления города Ницца. Огонь велся из автомобиля Вяземского. После чего автомобиль двинулся по улицам города, расстреливая попадающихся полицейских, редких военных и случайных прохожих. Автомобиль был найден на окраине города. Все трое были убиты из оружия, состоящего на вооружении полиции. У всех были найдены их личные документы, что позволило полицейским практически мгновенно обыскать места проживания преступников. В квартирах Винзборга и Вяземского ничего обнаружено не было, а вот в месте проживания ротмистра Беляева в доме в пригороде Ниццы был обнаружен повешенным начальник полиции города Марсель – Жером Маршан. Начальник полиции был зверски замучен. Целой осталась только голова. Ступни ног и кисти рук были превращены в кашу – переломаны были все кости, но вешали его еще живого.

В доме, превращенном боевиками РОВС в склад оружия, был обнаружен второй такой же пулемет «максим» и более ста винтовок, в том числе и состоящих на вооружении во французской армии. В одной из комнат лежал раненный двумя пулями в живот и истекший кровью еще один представитель РОВС – казачий есаул Петр Ситягин. Есаул Ситягин разыскивался нами более пяти лет за организацию бандитских нападений с территории Польши, убийства мирных граждан и похищения дипломатических работников нашей страны, а его пристрелили как бездомную собаку. Причем сделали это самым мучительным способом. Как только я опознал Ситягина, его вытащили из подвала, и мальчишка дважды выстрелил ему в живот, при этом одной пулей специально зацепил печень. Сделал он это настолько хладнокровно и, я бы сказал, буднично, что я поразился уже в который раз.

Все остальные подручные Винзборга были немедленно поданы французской полицией в розыск, и через сутки их нашли журналисты одной из центральных газет Франции. Все разыскиваемые полицией бывшие белые офицеры и еще двое неизвестных были повешены в безлюдном месте недалеко от вышеупомянутого местечка. Рядом с ними были обнаружены четыре пистолета, снятые ранее с убитых французских офицеров, а текст пояснительной записки гласил, что сотрудники РОВС казнены революционной группой «Свободная Ирландия». Как оказалось впоследствии, в редакцию позвонил неизвестный и сообщил точное место нахождения казненных.

Но главное не в этом. Все, что произошло через два дня, мне рассказал командир боевой группы «Свободная Ирландия» по дороге в Марсель. В конце рассказа он с усмешкой добавил: «Вот так надо проводить ликвидации своих врагов. И ценные сотрудники живы, и все нужные фигуранты на кладбище, и для дела полезно. У РОВС скоро начнутся большие проблемы – барон был очень откровенен, и мы продолжим отстрелы. Надо же нам заявить о себе на весь цивилизованный мир. В то же время, если вам понадобится кого-нибудь по-тихому уничтожить, обращайтесь, поможем, чем сможем». – Ликвидатор подразделения внешней контрразведки седьмого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР капитан Владимирский замолчал.

Молчали и его собеседники. Берия, посверкивая стеклами пенсне, пытался предугадать действия своего руководителя. Сталин задумчиво посасывал так и не зажженную им трубку. Пауза затянулась.

– Хорошо, товарищ майор. Подождите в приемной, – наконец произнес Сталин.

– Я капитан, товарищ Сталин, – поправил Сталина Владимирский.

– Если товарищ Сталин сказал «майор», значит майор, – чуть улыбнувшись, повторил глава государства.

Ситуация была неоднозначная и требовала тщательного анализа – неизвестные явно давали понять, что майор их устраивает в качестве связника, а значит, им понравилось то, как Владимирский вел себя в плену.

– Ты ему веришь, Лаврентий? – спросил Сталин, когда за Владимирским закрылась дверь.

– Я бы не поверил, товарищ Сталин, но все, что только что сказал этот человек, подтверждено французскими газетами. Причем подробностей намного больше. Записка, переданная с ним, написана по-русски химическим карандашом одной рукой. Почерк женский или детский. Перечислено восемнадцать пунктов передачи уникальных сведений и способы связи со «Свободной Ирландией» через объявления в газетах. Но существует одна странность. Оплата за сведения им нужна в немецких марках, шведских кронах, швейцарских франках и английских фунтах. В равных долях, только наличными и ни в какой иной валюте. Информация по самой организации «Свободная Ирландия» пока проверяется, но, по общему мнению товарищей из Коминтерна, такой революционной организации не существует либо она появилась совсем недавно.

Предложения невообразимые. В качестве серьезности намерений этой организации перечислены месторождения нефти в нашей стране. В том числе и неизвестные нам. Коми, Пермь, Баку, Грозный, Татария, Башкирия. Месторождения Эмба под Саратовом и в Сталинградской области отмечены отдельно. Точные координаты они передадут позднее, так как являются боевиками организации и просто не знают их, а вот чертеж и тактико-технические характеристики пистолета-пулемета расписаны полностью.

По словам Владимирского, чертежи пистолета-пулемета рисовал мальчик. В нескольких разрезах и с полными объяснениями чертежей. После того как мальчик закончил рисовать, он сказал майору следующее: «Человек, взявший в руки этот автомат, никогда не прикоснется к другому оружию». Эксперты работают, но предварительная информация такова. Пистолет-пулемет десантный модернизированный (ППДМ) масса три, три с половиной килограмма. Длина 640 миллиметров, складывающийся металлический приклад. Коробчатый магазин на тридцать пять патронов. Используются патроны от пистолета ТТ. По оценкам специалистов-оружейников, автомат очень удобен в обращении, технологичен в производстве и крайне дешев. Его действительно можно производить даже на небольших заводах. В письме есть дополнение. Организация «Свободная Ирландия» готова закупить две тысячи ППДМ после начала производства, полторы тысячи пистолетов ТТ и боеприпасы к ним.

Полностью расписаны и установки для перегонки бензина и дизельного топлива. Решения простейшие и революционные. Такого у нас в стране нет. Возможно,

нет и во всем мире. Ценность данных установок реальной оценке нашими специалистами не поддается. Информация действительно бесценна, а она отдана нашей стране просто так. Они спокойно могли продать эти технологии любой крупной компании мира и заработать серьезные деньги. Помимо всего остального, это необъяснимее всего. – Берия замолчал.

– Это очень информированные люди, Лаврентий. Мы совсем недавно начали переговоры о договоре о ненападении между нашей страной и Германией, а в этой организации уже знают об этом.

Вероятнее всего, они действительно получают информацию от немцев или от англичан. Информация по бомбе тоже интересна. Товарищ Каганович контролирует ее изобретение с тридцать седьмого года, но пока видимых результатов нет. В то же время они говорят, что немцы, англичане и американцы тоже занимаются бомбой, но ничего не говорят о нас. Сделай так, Лаврентий. Приготовь по пятнадцать тысяч каждой валюты и отправь с курьером на первую же встречу.

* * *

– Саня! И какого черта ты деньги-то потребовал? У тебя мало, что ли? – Возмущению Яшки не было предела. – У вас со Степкой и так денег куры не клюют, а если Славка добавит, то до конца жизни всем хватит. – Злобный мальчишка, суматошно мечущийся по моей гостиной, со всей дури влупил ногой в бочину ни в чем не повинного дивана.

Мы сидели уже вчетвером. Даша, наполненная впечатлениями по самую маковку, унеслась в город, показывать знакомым свои наряды и делиться впечатлениями от поездки, мать Яшки бдила у входа в дом. У этой женщины был один несомненный, но огромный плюс – она не знала русского языка. Поэтому лучшей охраны и придумать было невозможно.

Единственный минус подобной охраны был достаточно забавен. У бедной прачки, поднятой мной до экономки моего дома, никак не укладывалось в голове поведение ее безумного сына, орущего на хозяина особняка, а во всем остальном она была идеальна.

– А у тебя лишние появились? Дурачок ты, Яшкин. Денег немерено у наших родителей. Вынуть их без засветки возможностей никаких нет, а «бабла» необходимо до безобразия много, – тут же сказал Славка, а я продолжил:

– Здесь очень много факторов, Яш, но основной не финансовый. Деньги мы найдем и возьмем, сколько унесем – уже есть несколько мест, где они с нетерпением нас дожидаются. Основной фактор заключается в том, что мы не можем просто отдать свои знания – в Союзе нам просто не поверят, а нам надо, чтобы нам не только поверили, но и начали перестройку своих производств и постройку новых. А для этого надо заставить их нам заплатить. Именно поэтому мы с тобой сразу огорошивали Кислицына информацией ближайшего будущего. Ну и твоими знаниями до кучи. Объяснить эту информацию можно только принадлежностью к высоким кругам в руководстве Германии и Великобритании. – Свои пять копеек я вставил, и Яшка перестал метаться по гостиной. Он иногда бывает горяч, но быстро отходит.

– Нам не удастся остановить войну. Увести в сторону, уничтожить некоторых ключевых фигурантов и, может быть, увеличить срок до ее начала, это да. Понятно, что и предателей перебьем, сколько сможем, но не более того. При этом мы не можем вообще пользоваться финансами наших семей. Это такая засветка, что всех нас и семьи тоже просто уничтожат с началом войны. Про гестапо не забыл? Так они тебе сами о себе напомнят. Германия сейчас это полицейское государство со стукачами на всех уровнях. А деньги? Нам нужны рестораны или пивные в Стокгольме, Лондоне и Берне – то есть свои места для встреч с нужными людьми. Нам необходимы квартиры и дома в этих городах. Нам надо покупать и переправлять оружие. Нам необходимо на что-то жить и жить широко. Мы ребята небедные – мы к роскоши приучены. Необходимо будет купить в пригороде Берлина дом, а это совсем не двадцать копеек. Машины, наряды, рестораны, фальшивые документы – все имеет свою цену. Подобная пыль в глаза тоже очень большие деньги, которых у нас сейчас нет.

– Кстати, по стволам и деньгам, Саня. Ты будешь смеяться. В Берлине я купил «Ли Энфильды» с боеприпасами и оптическими прицелами. Правда, их заныкать пришлось в не слишком надежном месте, но пару месяцев полежат без проблем. – Славка самодовольно усмехнулся.

– И где взял? – удивленно спросил Женька.

– Вы не поверите. Свободно продаются в оружейных магазинах. Я пока взял шесть штук, якобы на охоту. Купить можно и больше, но чтобы не светиться, лучше взять сами магазины. Адреса магазинов я записал. И денег на месте можно взять и тоже в магазинах, правда, в ювелирных, но опять-таки нужно серьезно готовиться. Ты, Саня, прав – в Германии стукач сидит на стукаче и стукачом погоняет. Спасибо Дарье Никаноровне. Меня одного спалили бы уже на второй день. Здравая идея была ее со мной отправить. Увидев на улице газету с вашими художествами, Даша натурально упала в обморок в центре Берлина прямо под ноги функционеру НСДАП и кучке офицеров СС, а я объяснил возбужденным зрителям, что она лично знала начальника полиции города Марсель. Так что имеем среди этой сволочи очень нехилые знакомства и целую гору приглашений. – Славка опять традиционно усмехнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

БТР-70 – советский бронетранспортер. Боевая плавающая колесная машина для транспортировки личного состава мотострелковых подразделений.

2

Nieuport-Delage NiD 62 – истребитель-полутораплан.

3

Девуатин D.500/D.510 – французский истребитель с открытой кабиной и неубирающимся шасси Второй мировой войны.

4

Один из высших чинов в вооруженных силах России имперского периода и воинское звание в некоторых других вооруженных силах европейских стран.

Купить: https://tellnovel.com/serzhant-leshiy_/knyaz-vo-vse-vremena

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити